

ТРЕТИЙ РЕЙХ И СССР: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

С. Кормилицын

СТАЛИН

против

ГИТЛЕРА

ПОЭТ
против
художника

Сергей Владимирович Кормилицын

Сталин против Гитлера: поэт против художника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=587625

*Сталин против Гитлера: поэт против художника. : Путер;
СПб.; 2008
ISBN 978-5-91180-858-7*

Аннотация

Говоря об Иосифе Сталине и Адольфе Гитлере, чаще всего вспоминают их политические решения, борьбу за власть и жестокое устранение соперников. Но очень редко заходит речь о том, что это были за люди. Мало кому доводилось видеть оригинальные пейзажи Гитлера или читать стихи Сталина. Мало кто задумывается, чем обоим лидерам пришлось пожертвовать ради того, чтобы встать у руля государственной машины. От чего отказаться. Между тем людьми они были весьма неординарными. Один из них мог бы стать знаменитым литератором, намного превосходящим своих собратьев по цеху, а другой – художником, о котором рассказывали бы легенды. Однако судьба распорядилась иначе. Но если говорить

о них как о творческих натурах, то объясняются многие загадки нашей истории.

Информация, содержащаяся в данной книге, получена из источников, рассматриваемых издательством как надежные. Тем не менее, имея в виду возможные человеческие или технические ошибки, издательство не может гарантировать абсолютную точность и полноту приводимых сведений и не несет ответственности за возможные ошибки, связанные с использованием книги.

Содержание

От автора	5
Введение	9
I	15
Сын сапожника	15
Сын таможенника	31
Подведем итоги?	55
II	57
Несостоявшийся священник	57
Несостоявшийся художник	82
Подведем итоги?	105
III	106
Настоящий революционер	106
Настоящий солдат	147
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Сергей Владимирович Кормилицын Сталин против Гитлера: поэт против художника

Моим учителям.

*Тем, кто научил меня сомневаться.
Святому Фоме и Вильяму Оккаму.*

От автора

По чести сказать, я вовсе не собирался писать эту книгу. Мне искренне казалось, что после того, как была опубликована популярная биография вождя Третьего рейха «Адольф Гитлер. Взгляд из зеркала», к теме личности в истории мне больше возвращаться не придется. Однако тут сошлись воедино несколько факторов, заставивших меня снова обратиться к личности вождя, да еще и не одного.

С одной стороны, изданная три года назад книга про Гитлера успела слегка устареть. Появились новые факты, новые версии, познакомить с которыми читателя хотелось бы чрезвычайно. Пусть даже мно-

гие из них откровенно фантастичны, но ведь зачастую именно в том и интерес: у самых фантастических суждений есть своя вполне реальная подоплека, или, как минимум, в них может крыться разумное зерно.

С другой стороны, за последние три года мне часто приходилось слышать от читателей биографии Гитлера пожелание, что неплохо было бы написать нечто подобное про «отца народов». Когда же я начал разбираться в его прошлом, меня поразило, сколько сходных черт было у двух тиранов, схлестнувшихся в, пожалуй, самой кровопролитной за всю историю человечества войне. И, по правде говоря, я не смог противиться искушению сравнить биографии, а точнее – позволить читателю сравнить их самостоятельно, убедиться в том, что, несмотря на полярность мировоззрений, у лидеров двух режимов были весьма сходные «общие места» в биографиях. Для любителей рассуждать о роли личности в глобальном историческом процессе это может быть самым интересным в книге.

Впрочем, за последнее время вышло в свет несколько биографий Иосифа Сталина, разного качества, разной степени историчности. Но всем им присуща одна общая черта: они дают яркую эмоциональную оценку его личности, не оставляя читателю ни единого шанса задуматься, кем же был Сталин на са-

мом деле. Никаких полутонов, никаких сомнений: либо ангел, либо исчадие ада. Между тем в жизни так не бывает. Резко отрицательные и сугубо положительные персонажи – удел романтической литературы, а не биографических очерков.

Поэтому, наверное, одной из главных задач этой книги стало создание беспристрастных биографий Сталина и Гитлера. Не портретов политических деятелей на фоне истории, а именно человеческих биографий. Чтобы книга получилась не о политике, экономике и внутривластных дрязгах, а о людях.

Да, сразу «покаюсь»: я целенаправленно старался использовать только «открытые» источники – печатные, сетевые, главное – самые доступные. Без игр в конспирологию, так любимых современными «массовыми» писателями-сенсационщиками, без ссылок на «тайные архивы», в которые допущен только автор. Чтобы найти и проверить информацию мог без лишних усилий каждый.

Наконец, с третьей стороны, начав заново заниматься биографиями вождей, я обнаружил материалы, как-то прошедшие мимо меня раньше, – стихи Сталина и картины Адольфа Гитлера. И то и другое есть на этих страницах. Возможно, творчество красного и черного владык позволит узнать о них что-то новое.

Когда же все начало складываться, превращаться из набросков и заметок в систему, оказалось, что в ящике письменного стола накопилось много свидетельств, суждений, статей, публикаций, высказываний, которые вроде бы и не включишь в основной текст, но и из песни, как говорится, не выкинешь. А в результате на свет появилась эта книга, слегка похожая на лоскутное одеяло, скорее журналистская, нежели в чистом виде историческая, включающая в себя подчас весьма противоречивые суждения. В ней – фрагменты речей, писем и приказов, стихи и картины, журналистские версии и газетные новости, цитаты из мемуаров и желто-газетные сенсации. Но все вместе это образует интересную картину, яркую и динамичную, позволяющую, насколько это возможно, пролить свет на жизнь, судьбу, характер двух ярчайших персонажей минувшего столетия.

Попробуйте познакомиться с ними заново, отбросив пропагандистские штампы. А возможно – даже понять их. Что, вопреки сложившимся представлениям, вовсе не означает простить или полюбить.

Введение

*Тогда, в седые времена,
Каких, дай Бог, уж нет,
Над миром правил Сатана,
Художник и поэт...
И каждый строил новый Рим,
Но славы луч померк.
Им век казался Золотым,
А был – Железный век.*

Александр Горский. Железный век

Иосиф Джугашвили, Сталин. Адольф Шикльгрубер, Гитлер. О них написана не одна книга, при жизни и после смерти. Ими восхищались, их ненавидели.

Каждый из них виновен в смерти миллионов людей, их именами впору пугать детей. Они были двумя страшнейшими мясниками за всю человеческую историю. За одним – не то миллионы, не то как минимум сотни тысяч жизней евреев и громадные военные потери. За другим – геноцид по отношению к русскому народу, всепожирающая машина репрессий и, опять-таки, военные потери, поражающие воображение.

В то же время и того и другого всенародно, причем отнюдь не по указке сверху, прославляли как спасителей Отечества. И тот и другой были большими патри-

отами. Даже немцы, настроенные самым либеральным образом, не могли не признать заслуги Гитлера в преодолении экономического кризиса, в победе над безработицей и инфляцией, в возвращении Германии, пусть лишь на время, статуса великой державы. Даже самые праведные антисталинисты не будут оспаривать роль Сталина во Второй мировой, в великой победе советского народа. Противоречивая складывается картина, не так ли?

Вероятно, именно это противоречие виной тому, что исследователи, берущиеся писать биографию двух вождей, неминуемо впадают в одну из крайностей и создают либо панегирик, либо проклятие. Рисуют либо ангела, либо чудовище, без промежуточных вариантов. И забывают при этом, что речь идет всего лишь о людях. Наделенных некими талантами, но тем не менее – всего лишь людях, а не сверхсуществах.

Не о магах-некромантах, инопланетянах, потомках древних царей, а об истинных детях своего времени, порождениях эпохи: если бы сын грузинского сапожника и отпрыск австрийского чиновника не заняли отведенных им судьбой мест, ход событий изменился бы мало. Потому что на их месте оказались бы другие. Если бы судьбе было угодно просто поменять их местами, история не заметила бы изменений.

Другое дело, что люди эти были весьма необыч-

ные. От природы и тому и другому досталось довольно способностей, чтобы обрести мирскую славу, во все не стремясь к вершинам власти. Сын австрийского чиновника, скажем, был чертовски неплохим художником. А потомок грузинского сапожника, как говорят, – выдающимся для своего времени поэтом. Впрочем, обо всем по очереди.

О том, что Адольф Гитлер любил рисовать пейзажи, писали, пожалуй, все его биографы. Но не было среди них ни одного, кто похвалил бы эту живопись. Интересно, почему? Потому, что картины человека, ставшего позднее диктатором, вождем-завоевателем, развязавшим самую кровопролитную за историю человечества войну, в действительности были настолько плохи и не имели художественной ценности? Или потому, что фамилия автора этих картин была Гитлер? Просто исходя из того, что порождение преисподней не способно на созидание добра и блага? В свое время, когда юный Шикльгрубер поступал в Венскую Академию художеств, его довольно высоко оценили как пейзажиста и архитектора, «срезался» он только на портретах. Но, согласитесь, художники-универсалы, поднаторевшие во всех жанрах сразу, встречаются редко. Пейзажи же Гитлера, включая виды столицы Австро-Венгрии, продажей которых он одно время зарабатывал себе на хлеб, традиционно

описываемые как «тусклые, холодные открытки», откровенно неплохи. Впрочем, – на взгляд дилетанта. Не будучи ни искусствоведам, ни профессиональным художником, я не вправе выходить за рамки обычного обывательского «нравится – не нравится». Поэтому о его таланте или бесталанности судить вам.

О том, что Иосиф Сталин писал стихи, известно совсем немногим. Более того, поэтических текстов, написанных генералиссимусом, сохранилось буквально несколько. И об этом тоже пишут разве что вскользь. Впрочем, нет сомнений в том, что его творчество заслуживает самого серьезного внимания. Стихам молодого Джугашвили дал высокую оценку Илья Чавчавадзе – грузинский патриот и публицист конца позапрошлого века. В 1901 году тексты семинариста вошли в пособие по теории словесности, выпущенное известным в то время грузинским издателем Келенджеридзе, а в 1907 году – в «Грузинскую хрестоматию, или Сборник лучших образцов грузинской словесности».

Правда, на русский язык переведено было всего несколько стихотворений из немногих сохранившихся, но для того, чтобы оценить талант будущего вождя, их вполне достаточно. Впрочем, говорить о стихах – дело пустое, нужно прочесть их. Вы сможете сделать это на страницах книги.

А теперь – представьте, просто на миг, что Шикль-грубер и Джугашвили не стали бы Гитлером и Сталиным. Что они пошли бы по тому пути, который указывал им врожденный талант, а не подчинились бы вежностям эпохи. Нет, повторюсь: разумеется, на их место встал бы кто-то другой, и тирании было бы, скорее всего, не избежать – история складывалась именно таким образом. Но зато мировая культура оказалась бы в чистом выигрыше, приобретя отличного поэта и неплохого художника. И кто знает, чего бы им удалось достичь, если бы они, по библейской притче, не зарыли таланты в землю?

Разумеется, книга не об этом: в конце концов, история не терпит сослагательного наклонения. Перед вами не более чем две биографии, созданные на основании открытых источников, а не глубоко засекреченных архивных данных. Но необычность их в том, что речь здесь пойдет не только и не столько о власти, стратегии и тактике политической борьбы, сколько о личных качествах, чертах характера, событиях жизни, не слишком широко афишировавшихся. То есть не о политике и политиках, а о людях и чувствах. О судьбах, которые напоминают отражение в зеркале.

Надо сказать, что, хотя и не принято сравнивать Гитлера и Сталина, хоть и считается это проявлением дурного тона, судьбы их и правда похожи. И в том

и в другом случае перед нами раскручивается один и тот же сюжет старинной сказки про бедного, но талантливое мальчика, положившего все силы на то, чтобы избавить мир от злого дракона, и в конце концов занявшего его место. Впрочем, в этом вы убедитесь сами, прочитав эту книгу. Книгу о двух людях, достигших вершины, предела того, к чему они стремились с юных лет. О тех, чьи мечты о переустройстве мира едва-едва не исполнились. Книгу о двух глубоко несчастных людях. О тех, кто потерял Божью искру, пожертвовал лучшим, что было ему дано от природы, ради достижения некоей высокой и почти недостижимой цели.

О тех, кто достиг всего, о чем мечтал в юности. Но — ценой собственной души. О художнике, так и не ставшем знаменитым, и о поэте, отрекшемся от собственных стихов. О Гитлере и Сталине — двух величайших тиранах минувшего столетия.

I

Детство. Не "золотое" время

Сын сапожника

Крепко тесное объятье.

Время – кожа, а не платье.

Глубока его печать.

Словно с пальцев отпечатки,

С нас – его черты и складки,

Приглядевшись, можно взять.

Александр Кушнер. Времена не выбирают

Детство будущего вождя мирового пролетариата не было ни безоблачным, ни счастливым. Начать с того, что происходил он из не самой обеспеченной семьи. Как говорит об этом его официальная биография, он «родился в городе Гори, Тифлисской губернии. Отец его – Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило, Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать – Екатерина Георгиевна – из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гамбаре-

ули»¹. При этом Виссарион Иванович был куда в большей степени известен не как умелый мастеровой, а как дебошир и пьяница – поговорка «пьет как сапожник» была в отношении него более чем справедливой. Денег в семье никогда особых не водилось, так что говорить о сколь бы то ни было благополучной жизни не приходится. Все вполне закономерно ожидали, что сын Виссариона тоже станет сапожником и со временем, так же как отец, покатится по наклонной плоскости, постепенно теряя человеческий облик. То, что судьба Иосифа сложилась иначе, насколько его мечты и мысли отличались от того, о чем задумывался и мечтал средний гориец, уровень его образования породили массу сплетен о том, кто же был отцом юного Джугашвили. По одной версии, им был князь Голицын, по другой – виноторговец Яков Эгнатошвилли, по третьей – и вовсе Николай Пржевальский. Но на самом деле Иосиф был сыном Виссариона. Наверное, можно было бы сомневаться в этом, не будь его матушка настолько религиозной и богобоязненной. Да и муж, по-горски самовластный, обладавший тяжелым характером, зорко приглядывал за своей супругой. Судя по всему, те, кто говорит об измене Екатерины, о том, что отцом Сталина был не горийский сапожник, а кто-то иной, просто никогда не быва-

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Л., 1947. С. 5.

ли на Кавказе. В год, когда был зачат будущий «отец народов», Виссарион пребывал еще в более или менее светлом разуме, и надумай супруга ему изменить, живой она осталась бы едва ли. Со временем, правда, Екатерина, что называется, вошла в силу, научилась противопоставлять свою волю выходкам пьяного самодура, но в первые годы брака она, выданная замуж шестнадцатилетней – по тогдашним и тамошним меркам относительно поздно – без особого приданого (Екатерина осталась сиротой и жила вместе с братьями у дяди), была образцовой женой.

Так что оставим досужие домыслы журналистам желтой прессы, которые так горазды перебивать кости покойникам, и примем за истину мнение внучки Иосифа – Галины Яковлевны Джугашвили: «Своим прадедом я считаю Виссариона Ивановича Джугашвили. А версия об «отцовстве» Пржевальского основана на его внешнем сходстве с дедом, которое действительно было поразительным. Тот факт, что Пржевальский останавливался в Гори, а после высылал деньги матери деда Катерине, ничего не доказывает. Никаких документальных свидетельств его «отцовства» нет»².

Кстати, если говорить об уровне образования, на-

² *Нечаев В.* Внучка Сталина о «белых пятнах» в истории своей семьи // Аргументы и факты. 1999. 3 нояб.

звать запойного сапожника и крестьянскую дочь безграмотными горцами как-то язык не поворачивается. Посудите сами: многие ли из вас как следует знают больше одного иностранного языка? Не говоря уже о том, что Виссарион и Екатерина читали и писали по-грузински, отец Иосифа бегло говорил на русском, тюркском и армянском. Ну а то, что Виссарион частенько прикладывался к бутылке. Случается, как говорится, причем даже с самыми лучшими и благородными людьми. Так что, даже спиваясь, он оставался весьма образованным алкоголиком.

Иосиф Джугашвили не был первенцем. Так сложилось, что дети в семье Виссариона рождались слабыми, никто из них не доживал даже до своего первого дня рождения. Бог знает, отчего. Может быть, речь идет о каком-то расстройстве половой функции у одного из родителей, но скорее дело было в пристрастии сапожника к спиртному. Впрочем, дела это не меняет: очередной отпрыск разгульного кавказского сапожника мало того что родился живым, так еще и пережил критический для его братьев и сестер срок – крестины.

Правда, младенец был откровенно хилым – настолько, что вызывал раздражение у отца. Да еще и родовая травма отнюдь не делала его красавцем: «сухая» рука, вошедшая в сотни воспоминаний, «стра-

шилок» и анекдотов, – не результат несчастного случая в Гори, как любил рассказывать сам Сталин, стараясь найти более «благородное» объяснение своей физической особенности. Правда, даже расти он богатырем, Виссарион нашел бы, чем быть недовольным: характер у него был, как говорится, не дай Бог, а рука тяжелая. Так что, по-хорошему, удивительно, что Иосиф пережил детство. С отца случилось бы и пришибить ребятенка ненароком, особенно если сам он был в подпитии или в настроении «поучить» семейство, а отпрыск проявлял непокорность или нерасторопность.

Кстати, что интересно: Анри Барбюс в своей книге, изданной в 1936 году, описывает родителей Сталина несколько иначе, чем это принято сегодня. Мало того, его описание вовсе не соответствует представлениям автора этой книги. Но для полноты картины его слова процитировать стоит: «У матери, Екатерины, прекрасное серьезное лицо и черные, охваченные темными кругами, глаза, такие черные, что кажутся безбрежными. Даже на недавних портретах это правильное лицо обрамлено, по древнему и суровому кавказскому обычаю, квадратом черного платка. Отец, Виссарион Джугашвили, происходил из деревни Диди-Лило и был по ремеслу сапожник. Он выполнял тяжелую работу

на обувной фабрике – неподалеку; в столице Грузии – Тифлисе. Теперь можно видеть в музее истертую им жалкую табуретку, стянутую веревкой. Это был бедный, малообразованный, честный хороший человек. Он отдал Иосифа в горийскую школу (домик под деревьями, похожий на ферму), а потом и в тифлисскую семинарию, – то есть сделал для сына действительно все, что только мог сделать при своих средствах»³.

Версия

Настоящим отцом Сталина оказался русский пу- тешественник

Просматривая вековые манускрипты, историки неожиданно обнаружили на первый взгляд ничем не приметную запись. На одной из ветхих, пожелтевших страниц церковно-приходской книги был засвидетельствован факт рождения Иосифа Джугашвили, дата появления младенца на свет – 6 декабря 1878 года. А ведь по сей день считается, что товарищ Сталин родился 21 декабря 1879 года...

Случайная находка послужила поводом к новому исследованию прошлого «вождя всех народов». И вот

³ Барбюс А. Сталин. Человек, через которого открывается новый мир. М., 1936. Цит. по: <http://militera.lib.ru/>.

достоянием общественности стала новая невероятная версия происхождения потомка простого грузинского кустаря из города Гори – версия о том, что настоящим отцом Иосифа Виссарионовича был не грузин Джугашвили, а русский путешественник, исследователь Дальнего Востока и Центральной Азии, первооткрыватель дикой лошади смоленский дворянин Николай Михайлович Пржевальский.

Все началось между второй экспедицией ученого к озеру Лобнор и в Джунгарию (1876–1877) и его третьим походом в глубины Тибета (1879–1880). Зимой и весной 1878 года Пржевальский поправлял здоровье на Кавказе, заезжал и в Гори, где, будучи гостем князя Маминошвили, познакомился с его дальней родственницей, двадцатидвухлетней Екатериной Джугашвили, урожденной Геладзе. К тому времени семья Геладзе уже достаточно давно жила в городе, и Екатерина была грамотна, что по тем временам было уникальным.

Пржевальский, доселе не испытывавший особой тяги к женскому обществу, был очарован красотой юной и образованной грузинки. Встречался с ней и проводил время к взаимному удовольствию обеих сторон.

К этому времени Екатерина была четыре года как замужем за Виссарионом Джугашвили, сапожником

из села Диди-Лило. Супруги жили в Гори в скромном домике недалеко от кафедрального собора в «русисубани» – русском квартале, где были расквартированы военные и останавливались все русские путешественники. Все трое детей, рожденных Екатериной от Виссариона, умерли в младенческом возрасте. Ее муж в первые годы семейной жизни снискал славу известного на весь город мастера, имел много заказов и смог открыть собственную мастерскую, но к моменту роковой встречи стал спиваться и издеваться над женой. В семье катастрофически не хватало денег, и Екатерина Геладзе была вынуждена заниматься наемной поденной работой, чтобы свести концы с концами.

Родившийся после отъезда Пржевальского четвертый ребенок Екатерины, Иосиф (он же Сосо), рос здоровым и крепким. Жизнерадостный и общительный, он всегда был окружен товарищами...

В 1885 году Джугашвили-старший уехал на работу в Тифлис, а князь неоднократно передавал матери Сталина значительные суммы присланных со Смоленщины «алиментов»././

Екатерина мечтала вырастить сына образованным. Пределом ее мечтаний был сан священника, и потому она пристроила его (не исключено, что с помощью «алиментов» Пржевальского) в духовное училище Го-

ри, открытое еще в 1818 году и считавшееся старейшим учебным заведением города. Она настояла, чтобы он занимался не только грузинским, но и русским языком, добилась стипендии в три рубля в месяц (по тем временам это были довольно приличные деньги).

Конечно, трудно безоговорочно поверить в предложенную исследователями версию – слишком уж много вопросов остается, так сказать, открытыми. Но даже если все это, собранное по крупицам из разных источников и подобно причудливой мозаике принявшее форму новой картинки, – ложь, остается непонятным, отчего у «вождя и учителя» две даты рождения. А то, что их две, – чистейшая правда. Официальная, пышное семидесятилетие которой Сталин отмечал всенародными гуляньями на Красной площади в 1949 году, была, скорее всего, придумана самим Иосифом Виссарионовичем (или все-таки Иосифом Николаевичем?). Обнаруженная же запись о рождении 6 декабря 1878 года может в некоторой степени служить подтверждением новой версии.

К слову. Когда большевики-ленинцы захватили в России власть, а ученик Пржевальского Козлов продолжал свои экспедиции в Монголию, о его почившем учителе, великом исследователе Центральной Азии, генерал-майоре и почетном члене Петербургской академии наук как-то очень тихо «забыли». Но

после войны 1941–1945 годов (а к этому времени Сталин окончательно стер ленинскую гвардию в лагерную пыль и политика «пролетарского интернационализма» все больше стала напоминать державно-патриотическую), когда отец всех народов задумал вернуть советской стране ее героев, в числе самых первых именных наград была учреждена золотая медаль имени Николая Пржевальского⁴.

Впрочем, мальчик, каким бы болезненным он ни был, старался оправдывать надежды отца, расти сильным, настоящим мужчиной. Во всяком случае, большего драчуна, забияки и разбойника, чем юный Иосиф, на его улице, наверное, не было. Как, не было и лучшего враля-рассказчика среди мальчишек. Собственно, вот это-то умение рассказывать, увлекать своей речью сверстников и навело мать Иосифа на мысль, которая скоро завладела ее вниманием полностью: сын должен стать священником. Это представлялось ей просто идеальным будущим для ребенка: на общем фоне даже обычный приходской священник в Грузии выглядел настоящим аристократом, человеком, обладающим достатком и властью. Поэтому она приложила немало усилий для того, чтобы устроить сына в начальное духовное училище. Кста-

⁴ Цит. по: www.mig.com.ua 10.02.2004.

ти, тут-то и выяснилось, что «уличное образование», полученное им, не сводилось к одним только дракам и проказам: неожиданно для матери оказалось, что Иосиф вполне прилично знает русский язык.

Так что преподаватели училища, куда он был зачислен в девятилетнем возрасте, были премного довольны новым учеником. В отличие от его отца.

На самом деле Виссариону довольно долго было просто наплевать на сына. Но, как это частенько бывает у людей сильно пьющих, иногда им овладевали бурные приступы отцовских чувств. Во время одного из таких отеческих «наплывов» он вдруг обнаружил, что его отпрыск всерьез готовится стать священнослужителем. Может быть, на трезвую голову это и не вызвало бы у него никаких возражений – повторюсь: священник по местным меркам был человеком весьма значительным, – но тут сапожником овладел бес противоречия. Ни о каких дискуссиях и спорах не шло речи: вся логика отца сводилась к тому, что, де, я – сапожник, и мой сын будет сапожником, и баста! После этого он буквально силком увез наследника с собой в Тбилиси, или, как город назывался в то время, – Тифлис. Почему именно туда? Очень просто: в Тифлисе располагалась обувная фабрика Адельханова – довольно крупное для той поры предприятие, где Виссарион нашел себе работу. Нашел, прямо скажем, без

особого труда: мастерство он на ту пору еще не пропил. Но вот куда девать привезенного с собой ребенка? Протрезвев, суровый отец осознал, что взвалил на себя лишнюю обузу, и пристроил сына на ту же самую фабрику. Не подмастерьем, потому что научить его хоть каким-то азам своего ремесла не удосужился, а так – мальчиком на побегушках. Паршивое питание, несложная, но выматывающая работа, постоянные колотушки отца, скорее всего, быстро сделали бы свое дело и освободили Виссариона от доуки и лишнего рта, позволив при этом соблюсти пресловутую горскую гордость, но тут в Тифлисе появилась его жена и со скандалом забрала Иосифа обратно в Гори.

После этого грозный отец в семью не возвращался, да и вообще как-то пропал с горизонта событий. Одно время ходили слухи, что он, де, погиб в пьяной драке, потом – что не погиб, а просто опустился, потерял работу и бродяжничает. Как бы то ни было, до 1912 года Иосиф не заявлял официально, что его отец мертв. Впрочем, может быть, он просто потерял его из виду? Эдвард Радзинский, скажем, цитирует прелюбопытнейшее письмо, присланное ему одним корреспондентом из Твери: «В 31-м году я познакомился в Сухуми со стариком. Он стоял у чебуречной на набережной и просил денег. Не дал, он был очень пьян. И вдруг он заорал: «Ты знаешь, кому не

дал денег?» И матюшком меня. Я жил в двух шагах от чебуречной, и моя хозяйка видела из окна всю сцену. Когда я пришел, она мне сказала шепотом: «Когда совсем напьется, говорит, что родил Иосифа Виссарионовича.

Этой писькой, кричит, я его сделал!» Сумасшедший человек! В следующем году я приехал, но старика, конечно, не было. Он жил в подвале рядом с чебуречной – и люди видели, как ночью его увозили»⁵.

Сказать, что после исчезновения домашнего тирана семья Джугашвили стала счастливее, сложно. Времена начались откровенно тяжелые и безденежные. Хорошо еще, что Иосиф радовал мать и наставников успехами в училище, куда он, разумеется, вернулся сразу после возвращения домой: его не только освободили от платы за обучение, но и назначили казенное содержание, позволившее относительно безбедно закончить обучение. Если верить описанию, приводимому петербургской журналисткой Еленой Прудниковой, склонной, впрочем, к откровенным панегирикам вождю: «Сын глубоко верующей матери, он и сам был очень набожен, никогда не пропускал служб, неукоснительно выполнял церковные правила и следил, чтобы их выполняли другие. Он очень любил петь, легко выучил ноты и вскоре уже помогал регенту

⁵ Радзинский Э. Детство Сталина //Огонек. 1996. № 46.

училищного хора, иной раз заменяя его. Как лучший чтец в училище, Сосо обучал других чтению псалмов, был главным чтецом и певчим на торжественных молебнах»⁶. Одним словом, если даже часть этой характеристики соответствует истине, подростку было обеспечено большое будущее и завидная карьера.

Правда, Д. Сагирашвили характеризует его иначе: «Своенравный его характер проявляется довольно сильно. Всегда и неизменно он становится во главе всевозможных бесчинств, организует их, руководит ими и доходит до того, что его решено было исключить из училища. Однако, внемля мольбам несчастной матери, ходатайствам священника Эгнатишвили и еще потому, что он все же хорошо учился, его оставили доканчивать духовное училище»⁷.

Но срок его обучения в училище подошел к концу, и в 1894 году он сделал следующий шаг в своем образовании – казалось бы, вполне логичный для будущего священника, – поступил в 1-й класс Тифлисской духовной семинарии. В ту пору ни он, ни его набожная мать не знали, что это учебное заведение давно превратилось из богоугодного в крамольное и слу-

⁶ Прудникова Е. Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек. Сосо из Гори. М., 2005. С. 24.

⁷ Сагирашвили Д. Сталин // Вестник института по изучению истории и культуры СССР. 1952. № 2.

жит рассадником революционных идей. Иногда, правда, говорят, что, де, был у истории шанс повернуться в совсем иную сторону. Приняла бы Екатерина предложение одного из наставников Иосифа устроить ее сына не в духовную, а в учительскую семинарию – и, глядишь, не было бы у России Сталина! Но, во-первых, история не знает сослагательного наклонения, а во-вторых, социалистические идеи пустили в то время корни во всех учебных заведениях, кроме, разве что, самых провинциальных. Так что от смены училища ничего глобально не изменилось бы.

Как бы то ни было, в 1894 году Иосиф Джугашвили покинул Гори и отправился навстречу своей судьбе в Тифлис. За душой у него не было практически ни гроша, зато базовое образование было весьма приличным (знание Писания – намного выше среднего, русский язык – внятный и почти чистый, общенаучные представления – в контексте эпохи и учебной программы духовного училища), а на шее был намотан модный в те времена красный шарф, подаренный матерью. Тяжелое детство оставалось за спиной, а впереди маячила самостоятельная жизнь и большое будущее.

Говорит Сталин

Об издании книги «Рассказы о детстве Сталина»

– Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку⁸.

⁸ *Белади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1989. С. 204.

Сын таможенника

*История не учит ничему,
Но, как сказал историк – и ему
Не верить нет причины, —
За незнание история наказывает нас.*
Александр Кушнер. История

Будущий фюрер германского народа родился в самом центре Европы, в Австрии, в городке Браунау на Инне. Его родители – Алоиз и Клара Хидлер (урожденная Пельцль) – были, что называется, интеллигенцией в первом поколении. Алоиз – сын зажиточного крестьянина – вместо того, чтобы пойти по проторенной дорожке, сделал карьеру таможенного чиновника, неплохо продвинувшись по служебной лестнице. К апрелю 1889 года, когда родился его сын, Алоиз был человеком немолодым. В это время он уже был довольно зажиточным бюргером – получал более чем приличную государственную пенсию и старался жить на городской манер, подобно всем маргиналам усиленно копируя «господский» образ жизни. Он даже купил себе поместье близ городка Ламбах, став хоть и не крупным, но землевладельцем (потом, впрочем, он был вынужден продать его). Соседи в один голос признавали его авторитет (сложно было не признать

авторитет гневливого и шумного усача, вечно ходившего в чиновничьем мундире). Впрочем, в одной области он и впрямь был несомненным авторитетом: семья Хидлеров испокон веку занималась пчеловодством, так что Алоиз с детства знал огромное количество секретов, связанных с пчелами: соседи, державшие пасеку, частенько просили его совета.

Мать Адольфа была женщиной набожной и, как о ней пишут, какой-то забитой. Правда, «забитой» тут нужно понимать двояко: в качестве аргумента в семейных ссорах Алоиз не стеснялся давать волю кулакам. А поводом для ссор могло стать все что угодно. В частности, неудовольствие отставного таможенника вызывало то, что Клара никак не могла родить ему сына. Наличие потомка мужского пола было для Алоиза моментом ключевым, можно сказать, статусным: ему хотелось чувствовать себя основателем династии, как говорил в свое время Наполеон, «не потомком, а предком». А с детьми в семействе было как раз не слишком хорошо. Дело в том, что австрийские крестьяне жили в ту пору достаточно замкнутыми общинами, имевшими мало контактов с внешним миром. Как следствие, вполне обычным делом были близкородственные браки с соответствующими последствиями – врожденными уродствами детей, частыми выкидышами и мертворожденными младенца-

ми. Алоиз и Клара были также родственниками во втором поколении. Первые три беременности Клары закончились выкидышами или рождением мертвых детей. А Адольф и его младшая сестра Паула родились слабыми, подверженными массе различных болезней.

Младенец Адольф

Любители изображать Гитлера чудовищем и выродком уделяют его близкому к инцесту происхождению невероятное внимание. Послушаешь их – и Гитлер представляется истинным выродком, изначально-

но неполноценным от природы. Просто вследствие неудачно сложившихся родственных связей. Если бы все было так просто! Но, как известно, простые объяснения редко бывают истинными, и правда лишь изредка лежит на поверхности. Дурной генетике будущий вождь национал-социалистической партии был обязан лишь слабым здоровьем и общей болезненностью. Чудовищем от рождения он не был.

Версия

Великий антисемит?!⁹

Уже в начале 20-х годов, когда появились первые решающие успехи в партийно-политической карьере Гитлера, определившие его дальнейший жизненный путь, некоторые политические противники открыто ставили вопрос, откуда же родом этот «крикливый вождь чистого германства», кто его дед по линии отца и может ли он доказать, что не имеет хотя бы частичного еврейского происхождения.

После 30 января 1933 года, когда Гитлер взял власть в свои руки и начал систематически ее укреплять, в Германском Рейхе вынуждены были замолчать те, кто в открытую говорил о его происхождении.

⁹ Цит. по: ufa. antifa. net. 04.04.2006 г.

Соответственно, огромный «бумажный аппарат» гестапо, СС и т. д. мог переделать прошлое вождя так, как ему этого хотелось, что в конечном итоге и было сделано. Но.

Спустя полтора года после «смерти» Адольфа Гитлера (я поставил кавычки, так как сам факт смерти так и не был установлен) старые предположения начали подпитываться новыми аргументами и фактами из источников, которые заслуживали доверия.

Во-первых, это была фотография могилы с еврейского кладбища с якобы похороненным там дедом Гитлера – правда, оказалось, что покоящийся там Адольф Гитлер (я и сам сначала очень удивился!) всего на 5 лет старше своего всемирно известного тезки, соответственно его дедом быть не мог. Это стало скорее не доказательством, а некой исторической шуткой над фюрером. В то время, да и сейчас, среди евреев фамилия Гитлер довольно распространена, как и имя Адольф.

Со вторым источником все намного сложнее, хотя многие историки и биографы приняли его. Им оказался Ганс Франк, гитлеровский генерал-губернатор Польши с 1939 по 1945 год. В своем заключительном слове на трибунале он сказал, «что не хочет оставлять в этом мире неоплаченных долгов». Незадолго до этого он в своей камере Нюрнбергской тюрьмы с

помощью пастора и армейского священника Сиктуса О'Конора написал некие заметки, которые поставили в тупик многих биографов Гитлера.

В этих заметках сообщалось, что в конце августа 1930 года Франка вызвали к Гитлеру. Фюрер показал ему письмо и сказал, что это отвратительный шантаж со стороны его самых ненавистных родственников. Письмо было написано сыном сводного брата Гитлера и содержало в себе угрозу опубликовать «некоторые моменты семейной истории», которые в связи с последними высказываниями фюрера могут его просто погубить. Смысл письма заключался в том, что «у Гитлера течет еврейская кровь, и в связи с этим он просто не имеет права произносить антисемитские речи».

Гансу было поручено деликатно выяснить, о чем идет речь, и вот что он смог откопать. Удалось установить, что отец Гитлера был внебрачным ребенком поварихи по фамилии Шикльгрубер, которая работала по найму в одной семье. Следует отметить, что сам Адольф родился в результате кровосмешения, так как его отец Алоиз Гитлер женился в третий раз на женщине (будущей матери Гитлера), находясь с ней в родстве второй степени. В соответствии с законом, по которому внебрачный ребенок должен носить фамилию матери, он жил до 14 лет с фамилией Шикльгру-

бер. Когда его мать, то есть бабушка Гитлера, вышла замуж за некоего господина с фамилией

Гитлер, то ее внебрачный ребенок был признан сыном Гитлера и Шикльгрубер. Все это понятно. Но интересно следующее: когда бабка Адольфа Гитлера родила ребенка, она работала в еврейской семье Франкербергеров. И этот Франкенбергер платил ей алименты за сына до 14-летнего возраста. Между бабкой Гитлера и Франкербергером много лет велась переписка, в которой стороны обещали не разглашать обстоятельства зачатия ребенка. Эти письма долгие годы хранились у человека, имевшего некое родство с Гитлером, но не знавшего, что в них содержится. Следовательно, совершенно не исключена возможность того, что отец Гитлера был наполовину евреем, а сам Адольф Гитлер был евреем аж на четверть.

Первый крик будущего диктатора Европы раздался в доме отставного чиновника вечером 20 апреля 1889 года. Алоиз был счастлив: его мечта о наследнике осуществилась. Младенца едва успели поднести к груди матери, а в представлениях и мечтах его отца вся судьба дитя была уже расписана подробнейшим образом. Сыну таможенника предстояло тоже стать таможенником, добившись при этом невиданных высот в чиновничьей карьере и превзойдя ро-

дителя.

Священник Цанширм, к которому обратились, чтобы зарегистрировать рождение малютки, был не то не слишком грамотен, не то туговат на ухо, а может быть, ему показалось слегка непонятным произношение отставного таможенника – в центре Европы, что в Австрии, что в Швейцарии, до сих пор встречаются самые дикие диалекты немецкого, так что порой жители двух отдаленных деревень понимают друг друга весьма приблизительно, примерно так же, как русский поляка, – как бы то ни было, в метрику он вписал имя «Адольф Хитлер», поименовав таким образом не только отдельно взятого австрийского младенца, но и целую эпоху, следы которой заметны по сей день.

Итак, Адольф Гитлер, один из наиболее часто прокливаемых исторических персонажей прошлого века, вошел в этот мир, получив в наследство от родителей не слишком крепкое здоровье, но зато ясный рассудок и присущее крестьянам упорство в достижении цели. Именно это упорство и стало причиной его высочайшего взлета и глубочайшего падения.

Впрочем, слабое здоровье не мешало ему стать заводилой среди местных мальчишек. «Я рос в среде мальчуганов физически очень крепких, и мое времяпрепровождение в их

кругу не раз вызывало заботы матери, – вспоминал он на страницах «Моей борьбы». – Менее всего обстановка располагала меня к тому, чтобы превратиться в оранжерейное растение». Рано научившийся читать, он быстро освоился в отцовской библиотеке и оттачивал на сверстниках умение рассказывать вычитанные из книг истории. Ораторское искусство германского фюрера уходит корнями в его далекое детство.

Впрочем, судя по всему, не только ораторское искусство. Родом из детства и ставший всемирно знаменитым символ свастики. Зрительные впечатления Гитлера запомнились ему на всю жизнь. Впервые он увидел свастику, или «крест Ханга», в возрасте шести лет, когда был певчим в хоре мальчиков в Ламбахе, в Восточной Австрии. Она была введена бывшим аббатом Хангом как герб монастыря и в 1860 году высечена на каменной плите над обходной галереей обители. Позднее в этом солярном знаке Гитлер узрел символ победы арийского человека. Разработанный лично им стяг со свастикой в 1920 году стал знаменем НСДАП, а 1935 – государственным флагом нацистской Германии (см: *Кох-Хиллебрехт*, М. Номо Гитлер: психограмма диктатора. Минск, 2003).

Более того, любовь к рассказыванию историй и склонность к лидерству едва не привели будущего вождя германского народа к церковной карьере. «В сво-

бодное от других занятий время я учился пению в хоровой школе в Ламбахе, – писал он. – Это давало мне возможность часто бывать в церкви и прямо опьяняться пышностью ритуала и торжественным блеском церковных празднеств. Было бы очень естественно, если бы для меня теперь должность аббата стала таким же идеалом, как им в свое время для моего отца была должность деревенского пастора. В течение некоторого времени это так и было. Но моему отцу не нравились ни ораторские таланты его драчуна-сынишки, ни мои мечты о том, чтобы стать аббатом». Забавно, что мысли о духовном звании и о том, как приятно и выгодно принадлежать к столь мощной организации, как церковь, посещали не только Гитлера. Стать церковным иерархом мечтал в свое время и Йозеф Геббельс. Осуществись их мечты, церковь, вне всякого сомнения, приобрела бы прекрасных, беззаветно преданных ей служителей, а мир – кто знает! – обошелся бы без Третьего рейха.

Геббельс, Пауль Йозеф (29.10.1897-01.05.1945), – высокопоставленный партийный функционер НСДАП, главный пропагандист Империи, министр народного просвещения и пропаганды. Ближайший соратник Гитлера. Покончил с собой 1 мая 1945 года.

Однако вскоре мечта о будущем, связанном с цер-

ковью, оставила Адольфа Гитлера. Общая напряженность в мире, ожидание войны, которая вот-вот должна начаться, сказывались на настроениях даже в маленьком провинциальном городке. К тому же юному Адольфу попались в руки несколько томов из отцовской библиотеки, посвященных тогда еще недавней франко-прусской войне. Нашлись там и книги, повествующие о героическом прошлом германцев, империи Фридриха Великого и Священной римской империи. Как и многим мальчишкам того времени, Гитлеру «загорелось» стать солдатом. Но в его случае чистые эмоции, свойственные воинственным пацанам всех времен и народов, подкреплялись хотя и фрагментарными, но все же познаниями об истории Германии.

Однако до осуществления этой мечты нужно было еще дожить. А пока Алоиз Хидлер решил дать сыну образование. Младшие классы базовой «народной» школы Адольф одолел без труда. «Учение в школе давалось мне до смешного легко, – вспоминал он. – Это оставляло мне очень много времени, и я свой досуг проводил больше на солнце, нежели в комнате. Когда теперь любые политические противники, досконально исследуя мою биографию, пытаются «скомпрометировать» меня, указывая на легкомысленно проведенную мною юность, я часто благодарю небо за то, что враги напоминают мне о тех светлых и ра-

достных днях». Но, окончив базовые классы, нужно было выбрать гимназию или реальную школу, чтобы продолжить обучение. Естественно, Алоизу гимназия пришлась не по нраву. Это, во-первых, обошлось бы семье довольно дорого, а во-вторых, в гимназии преподавали массу гуманитарных предметов, совсем ненужных чиновнику на государственной службе. А Алоиз, считая себя на редкость удачливым человеком, а свою карьеру – верхом совершенства, хотел для сына только такого будущего. Кроме того, он довольно рано заметил способности сына к рисованию, а в австрийской гимназии этот предмет, по его мнению, преподавался из рук вон плохо. Поэтому Адольф стал посещать реальную школу в Линце.

Некоторое время все шло хорошо. Однако вскоре между отцом и сыном наметился разлад. Дело в том, что детская мечта о военной карьере слегка поблекла, а ее место заняло стремление стать художником. Мысль эта, подкрепленная неплохим вкусом, твердой рукой и умением рисовальщика, надолго завладела Гитлером. Но его отец был против. Одно дело – уметь рисовать, а другое – бросить все ради неясного будущего, которое ожидает художника! Этого Алоиз допустить не мог и, должно быть, клял себя за то, что сам способствовал развитию у сына таланта рисовальщика.

О спорах с ним относительно своей дальнейшей судьбы Адольф вспоминал с содроганием: у Алоиза Хидлера был тяжелый характер. «Пока планы отца сделать из меня государственного чиновника наталкивались только на мое принципиальное отвращение к профессии чиновника, конфликт не принимал острой формы. Я мог не всегда возражать отцу и больше отмалчиваться. Мне было достаточно моей собственной внутренней решимости отказаться от этой карьеры, когда придет время. Это решение я принял и считал его непоколебимым. Пока я просто молчал, взаимоотношения с отцом были сносные. Хуже стало дело, когда мне пришлось начать противопоставлять свой собственный план плану отца, а это началось уже с 12-летнего возраста. Как это случилось, я и сам теперь не знаю, но в один прекрасный день мне стало вполне ясным, что я должен стать художником. Мои способности к рисованию были бесспорны – они же послужили одним из доводов для моего отца отдать меня в реальную школу. Но отец никогда не допускал и мысли, что это может стать моей профессией. Напротив! Когда я впервые, отклонив еще раз любимую идею отца, на вопрос, кем бы я сам хотел стать, сказал – художником, отец был поражен и изумлен до последней степени. «Рисовальщиком? Художником?» Ему показалось, что я рехнулся или он ослы-

шался. Но когда я точно и ясно подтвердил ему свою мысль, он набросился на меня со всей решительностью своего характера. Об этом не может быть и речи. «Художником?! Нет, никогда, пока я жив!» Но так как сын в числе других черт унаследовал от отца и его упрямство, то с той же решительностью и упорством он повторил ему свой собственный ответ. Обе стороны остались при своем. Отец настаивал на своем «никогда!», а я еще и еще раз заявлял «непременно буду». Конечно, этот разговор имел невеселые последствия. Старик ожесточился против меня, а я, несмотря на мою любовь к отцу, в свою очередь, против него. Отец запретил мне и думать о том, что я когда-либо получу образование художника. Я сделал один шаг дальше и заявил, что тогда я вообще ничему учиться не буду».

Скажем сразу: шаг был более чем смелый и в той же мере безрассудный. Дело в том, что Алоиз Хидлер был тяжел на руку и скор на расправу и частенько пускал в ход кулаки, когда прочие аргументы заканчивались или он оказывался слишком пьян, чтобы к ним прибегнуть. Так что, противореча отцу, Адольф подвергал себя вполне реальной опасности: в подпитии Алоиз не смотрел, куда бьет, и не соразмерял силы.

Версия

Найден дневник Паулы Гитлер: избиваемый отцом, будущий диктатор вымещал злобу на сестре.

В Германии сделана сенсационная находка: обнаружен дневник, написанный сестрой Адольфа Гитлера Паулой. Об этом накануне сообщили немецкие историки Тимоти Райбак и Флориан Байерль. О месте находки ученые умалчивают. По их словам, дневник напечатан на машинке, его подлинность доказана экспертизой.

Дневник Паулы Гитлер представляет собой уникальный экскурс в историю проблемной семьи фюрера. По словам доктора Райбака, ученым «впервые удалось проникнуть в прошлое семьи Гитлера на ранней стадии». Дневник свидетельствует, что брат Паулы был агрессивным подростком и часто избивал ее. Описывая самые ранние воспоминания своего детства, когда ей было около восьми, а Адольфу 15 лет, Паула пишет: «Я снова чувствую тяжелую руку брата на своем лице».

«Адольф был старшим братом и заменял собой отца. Он был очень суров с Паулой и постоянно бил ее. Но она смотрела на это сквозь розовые очки и оправдывала его, считая, что это было полезно для ее вос-

питания», – рассказывают исследователи.

Доктор Райбак – глава немецкого Института современной истории в Оберзальцберге, занимающегося исследованием личности Гитлера. Байерль написал несколько книг о лидере нацистской партии и канцлере Третьего рейха.

Другим открытием стало то, что Паула, которую до сих пор считали невинной свидетельницей в семье Гитлера, была помолвлена с одним из самых зловещих врачей Холокоста, занимавшихся эвтаназией. Исследователи вышли на российские протоколы допросов, из которых следует, что Паула Гитлер была помолвлена с Эрвином Йекелиусом, ответственным за убийство 4 тысяч человек в газовой камере в годы войны.

«До этого момента репутация Паулы Гитлер была чиста. Но в таком ракурсе ее образ невинной маленькой овечки несколько померк», – говорит Байерль. По его мнению, «то, что она собиралась выйти замуж за одного из самых ужасных австрийских преступников, означает, что она тоже причастна к смерти, ужасам и газовым камерам».

Доктор Райбак добавляет: «Для меня стало открытием, что Паула собиралась выйти замуж за Йекелиуса, это одно из самых ошеломляющих открытий за всю мою карьеру». Между тем Паула, которая позд-

нее жила под псевдонимом Вольф, не вышла замуж за Йекелиуса, поскольку брат запретил ей этот брак.

Историки также обнаружили мемуары, написанные совместно сводным братом Гитлера Алоизом и сводной сестрой Ангелой. В одном из отрывков описана жестокость отца Гитлера, которого тоже звали Алоиз, и то, как мать Адольфа пыталась защитить сына от постоянных избиений: «В страхе, видя, что отец больше не может сдерживать свой необузданный гнев, она решила закончить эти истязания. Она поднимается на чердак и закрывает Адольфа своим телом, но не может уклониться от очередного удара отца. Она беззвучно терпит это».

Байерль говорит: «Перед нами предстает картина абсолютно дисфункциональной семьи, которую общественность еще никогда раньше не видела». По его словам, «ужасы Третьего рейха выросли в собственном доме Гитлера»¹⁰.

Свою неудовлетворительную успеваемость в реальном училище Адольф Гитлер списывает именно на последствия этого спора с родителем, заявляя, что, пытаясь убедить его в своей правоте, он стал учиться только тому, что было ему интересно, – рисованию, географии и истории. Вряд ли это могло стать

¹⁰ Цит. по: NEWSru. com.

хоть что-то решающим доводом в их споре о выборе профессии, однако юношеский максимализм и невыдержанность характера могут подтолкнуть еще и не к такому решению.

Впрочем, если задуматься, этому можно найти и другие причины. Все-таки по сравнению с Браунау-на-Инне, где Адольф – сын выслужившегося из крестьян государственного чиновника и дочери богатого крестьянина – выглядел представителем местной элиты, Линц был относительно крупным городом. Здесь соперниками его в учебе были не крестьянские дети, а дети учителей, чиновников, коммерсантов. Для них Адольф был пришлым провинциалом, которого легко «обходили на поворотах». В результате ни с кем из них ему так и не удалось сойтись ближе: до конца обучения он обращался к однокашникам на «вы», и они платили ему тем же, подчеркивая отчуждение, царившее между ними.

Стоит сказать и о том, что в ту пору немецкая педантичность и самодисциплина еще не были в полной мере свойственны Гитлеру. В школьных табелях его прилежание оценивалось как «невыдержанное» или в лучшем случае «удовлетворительное». В результате же оценки его отнюдь не могли радовать родителей. «Отлично» и «превосходно» он получил лишь по рисованию и гимнастике. Что, впрочем, не должно вво-

дить читателя в заблуждение: несмотря ни на что, Гитлер довольно много читал и хорошо разбирался во многих областях. И только технические науки, такие как, например, физика, давались ему с трудом. Этим, в принципе, и объясняется та доверчивость, с которой Адольф впоследствии «покупался» на псевдонаучные бредни типа теории полой Земли или «Учения мирового льда».

Первые ростки национализма проявились у юного Гитлера именно в реальном училище. Как обычно, в поисках идентичности, общих черт, принадлежности к большой группе, свойственных для детей в возрасте 10–12 лет, ученики разделились не только по интересам, но и по национальному признаку. Какая бы пропасть ни отделяла Адольфа от его одноклассников, он был немцем, а значит – принадлежал к группе «чистокровных», ставивших себя выше всех, кто не являлся немцем. Подчеркивая свое происхождение, они «украшали свою одежду васильками и черно-красно-золотыми ленточками» и во всеуслышание, шокируя учителей, пели непатриотичную, а посему высочайше запрещенную к исполнению «Дойчланд юбер аллес» вместо австрийского гимна «Кроненлид». В течение самого короткого времени Гитлер превратился в фанатичного националиста, утверждающего свои идеалы со всей пылкостью юности.

Вероятно, все было бы не так серьезно, не попадись на пути молодого националиста соответствующий учитель – доктор Леопольд Петч. Есть такой тип школьных учителей и вузовских преподавателей – нереализовавшиеся проповедники или политики. Вместо того чтобы, как положено, давать знания по своему предмету, учить думать и делать выводы, они применяют свое положение учителя для того, чтобы насадить среди учеников свои взгляды. Безразлично – религиозные или политические, консервативные или либеральные, но свои. В большинстве случаев этим непрошеным гуру не удается подцепить на крючок больше одного-двух учеников, но и этого достаточно для того, чтобы признать причиняемый ими вред весьма ощутимым. Леопольд Петч относился именно к этому типу учителей, и Адольф Гитлер оказался среди его паствы. Объяснить, почему это произошло, весьма несложно. Леопольд Петч был умелым рассказчиком, способным увлечь своим повествованием, заставить сопереживать историческим персонажам. Гитлер же был восприимчивым слушателем, тем более что рассказы старого учителя хорошо сочетались с той гремучей смесью, в которую превратились отрывочные исторические знания, почерпнутые в детстве, мальчишеские игры в рыцарей и бытовой национализм, почерпнутый в школе. «Су-

хие исторические воспоминания он умел превращать в живую увлекательную действительность, – говорил о своем учителе Адольф. – Часто сидели мы на его уроках полные восхищения и нередко бывали тронуты его изложением до слез. Счастье наше было тем более велико, когда этот учитель в доступной форме умел, основываясь на настоящем, осветить прошлое и, основываясь на уроках прошлого, сделать выводы для настоящего. Более чем кто бы то ни было другой из преподавателей он умел проникнуть в те жгучие проблемы современности, которые пронизывали тогда все наше существо. Наш маленький национальный фанатизм был для него средством нашего воспитания. Апеллируя все чаще к нашему национальному чувству чести, он поднимал нас на гораздо большую высоту, чем этого можно было бы достигнуть какими бы то ни было другими средствами». Подростки жадно впитывали откровения самозванного пророка. Впрочем, это не мешало Гитлеру получать по истории «удовлетворительно».

Результат таких проповедей сказывался: Адольф стал чувствовать себя носителем сокровенного знания, едва ли не избранным, тем, кто может объяснить все происходящее вокруг. В сочетании со сложным характером, заметно ухудшившимся в пубертатном возрасте, это делало подростка просто невыно-

симым. Противостояние с отцом становилось все более жестким, тем более что оба они – и Алоиз Хидлер, и Адольф – не умели сдерживать свой нрав.

Впрочем, вскоре противостоянию пришел конец: в начале 1903 года, зайдя на постоялый двор «Визингер» в Леондинге выпить вина, Алоиз Хидлер скоропостижно скончался от апоплексического удара. Срочно вызванные врач и священник, как ни торопились, уже не застали его в живых. Адольфу в ту пору было 13 лет.

После смерти мужа Клара еще некоторое время пыталась придерживаться его взглядов, настаивая на необходимости для сына чиновничьей карьеры, однако, будучи женщиной мягкосердечной, не смогла долго выдерживать его сопротивление. Она попыталась было как-то исправить положение, отправив Гитлера в другую школу, в Штайр, однако и там успехи его были, мягко говоря, посредственными, хотя и лучшими, нежели в Линце. Тем не менее Адольф как-то дотянул до выпуска и стал было уже готовиться к экзаменам на аттестат зрелости. Но тут с ним приключилась беда: он слег с воспалением легких и, по настоянию врачей, долгое время был вынужден избегать серьезных нагрузок на нервную систему. Этой рекомендацией он воспользовался, чтобы никогда больше не возвращаться в школу, которую так не любил. С угрозой

карьеру чиновника так же было покончено. Как пишет он сам: «Тяжелое воспаление легких заставило врача самым настоятельным образом посоветовать матери ни при каких обстоятельствах не позволять мне после выздоровления работать в канцеляриях».

Следующий за выздоровлением год Гитлер не работал и не учился. Однако он съездил в Вену, чтобы разузнать о возможности поступить в Академию художеств, записался в библиотеку Общества народного образования, много читал, брал уроки игры на фортепиано. Жизнь его в тот год была бы и вовсе благой, если бы не омрачавшее все обстоятельство – усилившаяся болезнь матери. После смерти мужа здоровье Клары заметно ухудшилось. С самого начала, когда семейный врач Эдуард Блох диагностировал саркому груди, надежд на выздоровление не было. Но летом 1906 года болезнь стала быстро развиваться. Опасаясь, что, покинув Линц, он уже не застанет Клару в живых, Адольф отказался от мысли поступить осенью в Академию художеств и остался с матерью. В январе 1907 года ей сделали операцию, и хотя по признанию лечащего врача это могло лишь ненадолго отсрочить кончину, Клара заверила сына, что состояние ее стабильно улучшается. Адольф, успокоенный этими уверениями, снова отправился в Вену, лелея мечту стать наконец настоящим художником.

Детство будущего вождя Германии подошло к концу.

Подведем итоги?

Что ж, похожая картина, не правда ли? Тяжелые на руку, деспотичные отцы, забитые матери, находившие так-таки в себе силы, когда появилась такая необходимость, поддерживать своих сыновей, мечта о церковной карьере... Не разделяй их время и расстояние, можно было бы подумать, что речь идет о родных братьях. Детство и у того и у другого было, мягко говоря, отнюдь не «золотой порой». Тем не менее обоим нашим героям удалось выжить и сохранить не только здоровье и жизнь, но и самостоятельность мышления. Даже мечты о будущем были у них похожи – мечты, свойственные слабым, забитым, но умным детям, – о справедливости, о новой лучшей жизни, о правильных законах. И как ни назови тот социальный строй, тот политический порядок, который по прошествии многих лет они установили каждый в своей стране, корни у созданных ими систем были сходными. Потому что происходили они из детства.

Дело, судя по всему, не в условиях жизни и не в социальном происхождении, а в том, что судьба свела вместе, по разные стороны государственных и политических интересов, двух людей одного сорта, сходных по уму, по умению приспособиваться и по фана-

Точности в достижении единожды поставленной цели.

II

Время становления личности

Несостоявшийся священник

*Кому жестокий смех наградой —
С тем и обходятся жестоко:
Шутов хоронят за оградой,
Сажая на кол скоморохов.
Нет слову дерзкому преграды,
И пусть потом все выйдет боком:
Шутов хоронят за оградой
За шутки с королем и Богом./.../
Пахнет предсмертную прохладой
За воротник сырая осень.
Шутов хоронят за оградой.
Поэтов – не хоронят вовсе.*

Astral Ghost, автор сайма www.stihi.ru

Первые несколько лет в семинарии были для молодого Джугашвили, конечно, сложными, но вполне терпимыми. Сложными – поскольку он попал в ее стены в период реакции. Меньше чем за год до этого учащиеся в первый раз за историю учебного заведения устроили преподавателям, как тогда любили говорить, obstruction. Целую неделю они не посещали занятия,

требуя увольнения особенно непопулярных преподавателей и смягчения правил внутреннего распорядка, мало чем отличавшихся от строгих монастырских. В итоге почти сотню студентов отчислили, а семинарию на год прикрыли. Открыв же ее снова, в тот самый год, когда туда поступил Иосиф, порядки завели и вовсе драконовские. Так, в частности, студентам было запрещено чтение любой светской литературы. Без причины, просто на всякий случай, во избежание крамольных мыслей. Ну и что, что одобрена цензурой? Мало ли какие вторые-третьи планы да подтексты цензура пропустила.

При этом Иосифу приходилось выкладываться на учебе по полной. Дело в том, что образование было на ту пору удовольствием, доступным далеко не всем, сиречь – дорогостоящим. Была, конечно, система казеннокоштного обучения – специально выделяемые казной гранты для особо выдающихся учеников, позволяющие освободить их от платы за обучение. Но для того, чтобы добиться чего-то подобного, нужно было либо задействовать нешуточные связи, либо действительно быть «звездным» учеником. Потому что как всегда: фонды ограничены, желающих – масса, возможностей принять на казенный кошт всех – нет. Но это был выход, и Иосиф им воспользовался: вошел в первую десятку учеников. Правда, сторонни-

ки версии о неверности Екатерины Виссариону Джугашвили видят здесь доказательство своей правоты. Де, не первым и не вторым в десятке был Иосиф, а всего лишь восьмым, так что без помощи «настоящего» отца, устроившего судьбу незаконнорожденного потомка, дело не обошлось. Но на самом деле, сдается мне, что тут они, что называется, передергивают. Потому что сперва Иосиф получал половинное содержание, и только год спустя, после специального ходатайства, ректорат семинарии выделил ему полный кошт, приняв молодого талантливому студента на полное содержание.

Семинарист Иосиф Джугашвили

Вполне терпимым можно назвать этот период жизни Иосифа потому, что в нем присутствовали новые знания, до которых он был, по воспоминаниям современников, необыкновенно жаден. И пусть были они несколько специфическими, но пища для ума в библейских притчах содержится преизрядная. Зато впоследствии будущий вождь пролетариата мог с одинаковой легкостью оперировать цитатами из Писания и изученного им позже Маркса. Зато в головы учеников вдалбливали минимум два мертвых языка и пару современных, среди которых был русский. Зато логика и риторика преподавались так, как будто семинаристов готовили не для карьеры «пастырей овец православных», а для богословских диспутов с врагами веры. Впрочем, кто знает, может, и такая мысль посещала составителей учебной программы.

Пресса

Хорошо образованный человек

Миф о бюрократе, провинциале и невеже Сталине создан Троцким. Из-за недостатка информации историки повторяли эту чушь. Стоит отметить, что и сам

Сталин хотел, чтобы его считали человеком от сохи и из народа. Это помогало ему в его борьбе с «интеллектуалами» в рядах Коммунистической партии. Теперь же мы знаем, что его библиотека насчитывала 20 000 томов и он каждый день много часов проводил за книгами. Он делал пометки на полях и вел каталог книг. Его вкусы были эклектичными: Мопассан, Уайльд, Гоголь, Гёте, а также Золя, которого он обожал. Ему нравилась поэзия. В юности он писал стихи на своем родном грузинском языке, некоторые были излишне сентиментальными, но были среди них и действительно хорошие. Сталин был эрудированным человеком. Он цитировал длинные куски из Библии, трудов Бисмарка, произведений Чехова./.../

Семинария давала глубокие знания – этим могли похвастаться немногие учебные заведения конца XIX века. Сталин был чрезвычайно одаренным учеником. Его мать страстно желала, чтобы он стал священником, и он мог бы им стать, если бы на последнем году учебы не бросил семинарию и не ушел в подполье. Сегодня мы знаем, что он получал высокие оценки по всем предметам: математике, богословию, греческому, русскому. Говоря иными словами, этот сын сапожника и прачки имел выдающиеся интеллектуальные способности: например, он мог читать Платона в оригинале. Придя к власти, он всегда сам и почти набело

писал свои речи, статьи и дипломатические депеши. Его стиль отличался четкостью и, зачастую, утонченностью.

*Саймон Сибзэ Монтефиоре*¹¹

А запрет семинарского начальства на светскую литературу можно было обойти.

Ну посудите сами: на ту пору издатели-просветители взялись издавать дешевейшие серии книжек, на отвратительной бумаге, в бумажной же обложке, но зато стоившие сущие копейки. Одна из серий так и называлась – «Копейка», потому что именно такова была цена любой книги. Велика ли беда, если семинарское начальство найдет и изымет у тебя эту книгу? Правда, скорее всего, вдобавок последует наказание, вплоть до нескольких дней в карцере для самых «неисправимых». Но тем слаще запретный плод.

Мало того, запретный плод оказался настолько сладок, что семинаристы образовали настоящее тайное общество, собиравшееся на квартире одного из учеников, чьи родители жили в Тифлисе. Правда, отнюдь не народовольческое. Они всего лишь читали книжки. Дозволенные цензурой, общедоступные, светские. Пытались расширить кругозор, получить до-

¹¹ Цит. по: *Жовер В.* Секреты жизни и смерти Сталина. Призрак ужасного грузина до сих пор не дает покоя русской душе/Zwww. inosmi. ru.

полнительную информацию. По крайней мере, сначала. О том, что было позже, – разговор отдельный.

Кстати, к этому самому времени относится и поэтический бенефис юного Джугашвили. Неизвестно, когда он начал писать стихи, – скорее всего, еще в Гори, но после первого курса семинарии Иосиф впервые набрался храбрости показать свои тексты кому-то постороннему. В том, что он в принципе увлекся стихосложением, нет ничего странного. Напротив, для не слишком сильного физически, но начитанного мальчишки, да еще и воспитанного в достаточно мистических представлениях об окружающем мире, свойственных для православия, это вполне естественно. Не менее естественно и то, что он долго никому не показывал своего творчества. Уличные приятели его оценили бы едва ли, матушка, как ни любила она сына, оценить стихи тоже вряд ли бы могла, а уж что говорить о наставниках в духовном училище и семинарии? Их светские стихи, боюсь, вовсе не обрадовали бы. Удивительно другое – то, что у шестнадцатилетнего подростка родом из провинции хватило запала и решимости пойти со своими стихами в редакцию газеты «Иверия». Между нами, этот поступок говорит о многом. Как минимум о том, что азарта и решимости Иосифу было не занимать.

Что же за стихотворение он отдал на строгий ре-

дакторский суд? Первым известным нам сталинским текстом был вот этот:

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.
В напеве его и в песне,
Как солнечный луч, чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.
Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.
Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!¹²

Честно говоря, сложно судить о качестве стихотворения, написанного на грузинском языке, по его рус-

¹² Цит. по: *Котюков Л.* Забытый поэт Иосиф Сталин //Легион «Белой смерти». М., 2002. С. 68–69.

скому переводу¹³. Но это и не важно. Важнее, что редактору «Иверии» – Илье Чавчавадзе, большому патриоту своей Родины, ищущему таланты, которыми могла бы гордиться Грузия, – стихи понравились, и он разместил их на первой странице газеты от 25 декабря 1895 года. Правда, своим именем Иосиф подписаться побоялся – такой глубоко светский поступок, как публикация в газете стихов нецерковной направленности, мог вызвать приступ безудержного гнева у руководства семинарии. Поэтому стихи были подписаны именем Сосело. Судя по всему, это опубликованное стихотворение было отнюдь не первым, написанным Джугашвили. Но именно с него начался для юного горийца его поэтический период. Он осознал себя автором, поэтом, стихи которого признаются достаточно хорошими для публикации в газете. Для самооценки Иосифа это было важно. Да и сами подумайте, кому бы в 16 лет это было неприятно?! Затем, в начале 1896-го, последовало еще четыре публикации в «Иверии», а в июле – в газете «Квали». О качестве текста это что-то да говорит.

¹³ Вариантов перевода этих стихов существует несколько. В частности, один из них принадлежит перу историка Феликса Чуева. См. газету «Вечерний Тбилиси» № 21 от 20–21 марта 2003 г.

Версия

Стихи Сталина

О классике грузинской литературы Илье Григорьевиче Чавчавадзе Иосиф Виссарионович Сталин всю свою жизнь сохранял самые теплые воспоминания. В беседе с кинорежиссером М. Чиаурели И. В. Сталин заметил: «Не потому ли мы проходим мимо Чавчавадзе, что он из князей? А кто из грузинских писателей дал такие страницы о феодальных взаимоотношениях помещиков и крестьян, как Чавчавадзе? Это была, безусловно, крупнейшая фигура среди грузинских писателей XIX и начала XX века».

Если бы Джугашвили решил посвятить свою жизнь поэзии, то И. Чавчавадзе мог бы сыграть значительную роль в его жизни, отобрав несколько лучших стихотворений шестнадцатилетнего семинариста и опубликовав их в издававшейся им тифлисской литературной газете «Иверия»./.../

Как начинающий поэт, Джугашвили сразу же получил признание. Так, его стихотворение «Утро», по рекомендации Ильи Чавчавадзе, вошло в букварь «Дэ-да Эна», и многие годы оно оставалось одним из любимейших первых стихотворений грузинской детворы./.../

Из всего, что было написано юным поэтом Сосо Джугашвили, сохранились лишь шесть опубликованных им стихов, те, что были напечатаны в газетах «Иверия» и «Квали» в 1895–1896 годах¹⁴.

Поэт и переводчик Александр Ойслендер рассказывал мне, как однажды его вызвали к секретарю ЦК партии по пропаганде и дали переводить стихи с грузинского на русский. Ойслендер видел эти стихи в старом учебнике «Родное слово» для начальной грузинской школы и сразу сообразил, что они принадлежат Сталину. На грузинском языке эти стихи выставлены в музее в Гори. Когда Ойслендер принес, вялый от страха, переводы, ему дали портфель. Дома он открыл его – портфель был полон денег. Стихи так и не были напечатаны на русском языке – о причине можно только гадать¹⁵.

В 1949 году по инициативе Л. Берии была предпринята попытка в тайне от Сталина к 70-летию вождя издать его стихи в подарочном оформлении на русском языке. Для этой цели под строжайшим секретом были привлечены лучшие переводчики – как утверждают, среди них были Б. Пастернак и А. Тарковский. Ознакомившись с безымянными подстрочниками, не дога-

¹⁴ *Балаян Л.* Сталин //stalin.su.

¹⁵ *Дружников Ю.* Пушкин, Сталин и другие поэтыУ/www.druzhnikov.com.

дываясь об их авторстве, один из мастеров поэтического перевода простодушно сказал: «Тянут на Сталинскую премию 1-й степени.» Но в самый разгар работы над переводами был получен грозный приказ: срочно прекратить сию деятельность. Думается, нет нужды гадать, откуда последовал этот приказ. Так поэт Иосиф Джугашвили по воле Сталина не стал лауреатом Сталинской премии¹⁶.

Галина Нейгауз¹⁷ сообщает о телефонных разговорах поэта с вождем. Именно в ее рассказах фигурирует легендарное обращение Сталина к Пастернаку с просьбой прочесть и оценить стихи одного его друга. Поэт понял, что речь идет о стихах самого Сталина. Может быть, здесь кроется ключ к разгадке их взаимоотношений? Скромный поэт Сталин, в свою очередь, тоже попадает под воздействие «харизматической индивидуальности» большого поэта Пастернака. Мысль кажется абсурдной лишь на первый взгляд. Эпитет «скромный» почти лишен иронии – находясь у власти, вождь не инициировал публикацию своих стихов, даже сквозь грубость и фамильярность сквозит его уважение – пусть даже и снисходительное – к поэту, и мы не можем безоговорочно утверждать, что Сталин был

¹⁶ Котюков Л. Забытый поэт Иосиф Сталин // Легион «Белой смерти». М., 2002. С. 65.

¹⁷ Супруга Бориса Пастернака.

не способен осознать глубину поэтического дара Пастернака. «Через несколько дней Пастернаку привезли стихи. Стихи оказались довольно примитивные и неинтересные. Борис Леонидович мучительно думал, как ему об этом сказать, но звонка долго не было, и он успокоился, решив, что все уже забыто. Неожиданно раздался звонок. И вот тут Пастернак решительно сказал, что стихи плохие и «пусть его друг лучше занимается другим делом, если оно у него есть». Помолчав, Сталин сказал: «Спасибо за откровенность, я так и передам!» После этого Пастернак ожидал, что его посадят»¹⁸.

А жизнь между тем становилась все интереснее и интереснее: семинарские книжечки постепенно перешли от художественной литературы к естественно-научной, восполняя пробелы в знаниях, изучая точки зрения и теории, старательно избегаемые их преподавателями. И дело не в том, что руководство семинарии пыталось воспитать ограниченных людей, а в том, что после памятной обструкции оно безумно боялось вольнодумия среди учащихся. Как следствие, знания старались давать, что называется, «узкопрофильно», не выходя за определенные пределы.

¹⁸ Голованова А. Пастернак и Сталин. Записки неочевидца //www. agniart. ru.

И вольнодумным объявлялось все, что хотя бы по внешним признакам противоречило Писанию. В итоге же ажиотаж вокруг запретного плода только нагнетался сильнее. Ну ладно Иосиф Джугашвили – он дарвиновскую «Теорию происхождения» прочел еще совсем мальчишкой, в Гори. Бог весть, сколько понял из нее, но прочел. А для большинства других студентов, входивших в тайный кружок книголюбов, эта книга была настоящим открытием.

Постепенно круг изучаемой литературы изменялся все сильнее. И вот уже предметом интересов семинаристов стала политэкономия. А значит – не только классичный и сдержанный доктор Энгельс, но и многословный Карл Маркс, которого, как выяснилось, можно толковать еще свободнее, чем библейские притчи. А где есть свобода толкований, там неизбежно появляется и толпа толкователей, комментаторов, последователей, старающихся «разжевать» для читателя, «что имел бы в виду автор, если бы думал правильно».

То есть – масса марксистской литературы. В частности, – писания опального симбирского адвоката Владимира Ульянова – родного брата казненного государственного преступника, покушавшегося на главу государства. На ту пору он еще писал не под псевдонимом Ленин, а под именем Тулин, и по-настоящему

очаровал своим бойким слогом молодого Джугашвили. Где можно было найти все это, если подобные писания запрещены цензурой? Правильно, у тех, для кого марксизм – то же, что «Символ веры». И семинарские книжечки связались с марксистскими кружками.

Сразу скажем, что от фанатичной веры в истинную верность революционного пути развития общества тут поначалу не было ничего. Просто марксизм был на ту пору не менее модной игрушкой чем, например, евгеника. Модно было эпатировать публику констатацией своего согласия с учением Йорга Ланца фон Либенфельса или Карла Маркса. Причем тем более от того, что цензура не одобряла ни того ни другого. И кто бы, как говорится, знал, что Иосиф Джугашвили увлечется новой «игрушкой» общества по-настоящему! Кстати, вот о чем нужно упомянуть непременно: на ту пору марксизм и социал-демократия были несколько иными, чем это представляется по советской пропагандистской литературе: эпоха лихих налетчиков-экспроприаторов, грабивших почтовые дилижансы, чтобы финансировать революцию, и убегавших от полиции по крышам, еще не наступила. Большинство социал-демократов того времени были не более чем просветителями. То есть, по-хорошему, истинными марксистами. Они считали, что прежде, чем речь пойдет о переходе к новому соци-

альному устройству, к новым производственным отношениям, производительные силы должны подняться на новый уровень. Рабочий должен стать образованным, способным бороться за свои права аргументированно, играть на том же поле, что и работодатель. И мысль о немедленной революции, о смене социальной формации не во всем мире в результате естественного хода событий, как об этом, собственно, писал Маркс, а в отдельно взятой стране путем захвата власти была им чужда. Другое дело, что и эта их просветительская деятельность вызывала отрицательную реакцию у властей, которым образованный и самостоятельный рабочий был, как говорится, ни разу не нужен. Власти во всех странах и во все времена – от глубокой древности до нынешних дней – были нужны подданные, представляющие собой как можно более тупое стадо, – послушные и покорные, свято чтящие внушаемые им догмы. А если они будут понимать что к чему, знать историю, ориентироваться в праве, разбираться в политике, то, чего доброго, не проглотят очередную порцию пропаганды и не уверуют в необходимые власть предержащим лозунги и максимы. Поэтому просветительские кружки первых русских марксистов подвергались гонениям и преследованиям. И внутри социал-демократического движения уже появлялись внутренние течения гораз-

до более агрессивного толка, призывающие к активной борьбе за то, что они считали лучшим будущим. Именно это направление тогдашней социал-демократии и было наиболее близко Иосифу Джугашвили.

Либенфельс фон Йорг Ланц (1874–1954) – немецкий религиозный фанатик, антисемит, один из создателей расового учения. Основал Орден Верфенштейн, целью которого было содействовать «чистоте» расовых основ арийской нации. Издавал журнал «Остара», оказавший немалое влияние на формирование мировоззрения Адольфа Гитлера.

Буквально через пару лет он стал по-настоящему опасен для своего учебного заведения – наставники не зря считали, что от многих знаний происходят многие беды. Нарушения внутреннего распорядка были систематическими и настолько заразительными, что служили примером для подражания. Хотя, справедливости ради, еще раз отметим, что распорядок был просто тюремным и не восставать против него было почти невозможно. Во всяком случае, как пишет Александр Бушков, «сохранившийся до наших дней «Журнал проступков учеников» буквально пестрит записями, подтверждающими, что юный Джугашвили был настоящим бунтарем: «О чтении воспитанником И. Джугашвили запрещенных книг» (в число которых во-

шел даже роман Гюго «Труженики моря»), «Об издании И. Джугашвили нелегального рукописного журнала», «Читал недозволенные книги», «Грубое объяснение с инспекцией», «Обыск у Иосифа Джугашвили, искали недозволенные книги»¹⁹. К тому же в 1898 году он стал уже не просто «сочувствующим», а членом социал-демократической партии – группы «Месаме даси», причем членом активным. Мало того, что семинарский литературный кружок стал под его руководством уже не просто вольнодумным, а откровенно марксистским, появились и другие кружки, которые он тоже возглавлял и вел – уже вне семинарии. «Я вспоминаю, – писал он позднее, – 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение»²⁰. Кстати, в отличие от «тайного общества» семинаристов, кружок железнодорожников был более чем серьезной организацией: результатом его работы стала шестидневная забастовка рабочих-железнодорожников 14–19 декабря 1898 года. Разумеется, на учебу сил и времени при этом уже не оставалось. Что интересно, за исключение Джугашвили из семи-

¹⁹ Бушков А. Красный монарх. СПб., 2004 // Цит. по: http://lib.aldebaran.ru/author/bushkov_aleksandr/bushkov_aleksandr_krasnyi_monarh.

²⁰ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 10.

нарии ратовали его наставники, а ректорат, напротив, считал, что необходимо дать возможность талантливому студенту исправиться, вернуться на путь истинный. Потому что священник из него мог бы получиться прекрасный – подвижник в духе первых столетий христианства. Но было поздно: Иосиф уже забыл о том, как когда-то мечтал вести паству к Богу, – он уже нашел себе новый идеал, и паствой его, как ему казалось, должен был стать не один жалкий приход, а человечество в целом. Иначе говоря, если цитировать воспоминания Сталина: «Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма как действительно революционного учения»²¹.

Короче говоря, 27 мая 1899 года терпение руководства семинарии иссякло, и студент Джугашвили был отчислен с пятого курса. Впрочем, с куда более мягкой формулировкой, чем можно было бы ожидать. Вместо записи «за вольнодумство» или «за антиправительственную пропаганду», которая могла стать «волчьим билетом» на всю жизнь, в приказе стояло всего лишь «за неявку на экзамены по неизвестной причине»²².

²¹ Сталин И. В. Сочинения. М., 1948. Т.13. С. 113.

²² Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 86.

Карьера священника, о которой он в свое время так мечтал и о которой грезил его матушка, осталась не более чем мечтой. (Говорят, что когда летом, после исключения из семинарии, Иосиф вернулся в Гори, мать просто не пустила его на порог, так что ночевать будущему вождю пришлось в чьем-то стогу²³.)

Позже политические противники будут неоднократно попрекать ему незаконченной семинарией, характеризовать его как «семинариста-недоучку». Нельзя сказать, что они правы. Потому что семинария много дала будущему революционеру: образование – отчасти благодаря ей, а отчасти вопреки – он получил отменное. И если ему и не хватало практических знаний в целом ряде областей, то в теоретических вопросах он был более чем подкован. Кружок любителей запретного чтения, в котором он так долго участвовал, оказался отнюдь не пустячным развлечением.

А еще, и об этом тоже непременно нужно сказать, в сумке у покидающего стены семинарии опального студента лежала тетрадь со стихами. Судя по всему, неплохими: буквально через несколько лет они, за все той же, отчасти шутовской, отчасти трогательной подписью «Сосело» украсят страницы изданных Келенджеридзе пособия по теории словесности и кни-

²³ Прудникова Е. Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек. Со-со из Гори. С.37.

ги «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской словесности». Посвящение Эристави войдет в юбилейный, посвященный князю Рафаэлу сборник, вышедший в 1899, а «Утро» – в изданный в 1916 году Якобом Гогебашвили учебник родного языка «Дэда эна». Неплохо для семинариста-недоучки, не правда ли?

Впрочем, время стихов подходило к концу.

Говорит Сталин

Стихи Иосифа Джугашвили

Утро

Озябший розовый бутон
К фиалке голубой приник.
И тотчас, ветром пробужден,
Очнулся ландыш – и поник.
И жаворонок в синь летел,
Звенел, взмывая к облакам.
А соловей рассветный пел
О неземной любви цветам.

Луне

Плыви в пространстве величаво
Над скрытой бездною земной.

Развей серебряным сияньем
Туман угрюмый, мрак густой.
Склонись к земле, во сне лежащей,
С улыбкой нежною склонись.
Спой колыбельную Казбеку,
Чьи льды, светясь, стремятся ввысь.
Но твердо знай, кто был однажды
Унижен и повергнут в прах,
Еще с Мтацминдой станет вровень
И веру возродит в сердцах.
Цари на темном небосводе!
Играй лучами и цари.
И край родимый тихим светом,
Небесным светом озари.
Я душу всю тебе открою.
Я руку протяну тебе!...
Сияй, луна – душа Вселенной!
Сияй, Луна, в моей судьбе!

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет дольний мир,
И тень за дальней далью
Исходит синевою в эфир,
Когда над рощей безмятежной
Взмывает песней соловей,
И саламури голос нежный
Звучит всю ночь в душе моей,
Когда, переводя дыханье,

Вновь родниковый ключ звенит,
Когда в тревожном ожиданье
Бессонный лес в ночи молчит,
Когда герой, гонимый тьмою,
Вновь навестит свой скорбный край
И в час ненастный над собою
Увидит солнце невзначай,
Тогда гнетущий сумрак бездны
Развеется в родном краю,
И сердцу голосом небесным
Подаст надежда весть свою.
Я знаю, что надежда эта
В моей душе навек чиста.
Стремится ввысь душа поэта,
И в сердце зреет красота²⁴.

Поэту, певцу крестьянского труда, князю Рафаэлу Эристави

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.
Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно

²⁴ Котюков Л. Забытый поэт Иосиф Сталин //Легион «Белой смерти». М., 2002. С. 66.

Лились с небесной вышины.
Когда, отчизной вдохновенный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.
С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник воздвиг себе.
Певца отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.
Не зря народ тебя прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави
Страна моя растит сынов.

Старец Ниника

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой,
Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —
Сноп валился за снопом.
По жнивью шагал он прямо,

Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит.
Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.
А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.
На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг²⁵.

²⁵ Цит. по: www.velib.com.

Несостоявшийся художник

Адольф Гитлер, Браунау-на-Инне; 20 апреля 1889 года; немец, католик; отец – оберфискаль; оконч. 4 класса реального училища. Мало рисунков гипса. Экзаменационный рисунок – неудовлетворительно.

Из экзаменационного листа Венской академии художеств

В Вену Гитлер уезжал, полный самых радужных надежд. «Я вез с собой большой сверток собственных рисунков, – вспоминал он, – и был в полной уверенности, что экзамен я сдам шутя. Ведь еще в реальном училище меня считали лучшим рисовальщиком во всем классе, а с тех пор мои способности к рисованию увеличились в большой степени. Гордый и счастливый, я был вполне уверен, что легко справлюсь со своей задачей. Я сгорал от нетерпения скорее сдать экзамен и вместе с тем был преисполнен гордой уверенности в том, что результат будет хороший».

Однако уверенность Адольфа оказалась совершенно напрасной. Первую часть экзамена – написание двух этюдов на заданную тему – он выдержал успешно, а на второй, заключавшейся в рассмотрении представленных домашних работ, его отсеяли.

Формальной причиной для этого послужило то, что у Гитлера было совсем мало портретов. Отчасти это закономерно: Адольфа гораздо больше интересовала архитектура. Он и сам признавал впоследствии: «Мой художественный талант иногда подавлялся талантом чертежника – в особенности во всех отраслях архитектуры. Интерес к строительному искусству все больше возрастал. Свое влияние в этом направлении оказала еще поездка в Вену, которую я 16 лет от роду предпринял в первый раз. Тогда я поехал в столицу с целью посмотреть картинную галерею дворцового музея. Но в действительности глаз мой останавливался только на самом музее. Я бегал по городу с утра до вечера, стараясь увидеть как можно больше достопримечательностей, но, в конце концов, мое внимание приковывали почти исключительно строения». Подтвердил это и ректор Академии Зигмунд д'Альман, заявивший в ответ на вопросы Адольфа о причине его неуспеха, что представленные рисунки не оставляют ни малейших сомнений в том, что художника из Гитлера не выйдет, зато из них видно, что у него есть способности к архитектуре. Все, казалось бы, закономерно, но удар по самолюбию был, конечно, чрезвычайно силен. «Когда мне объявили, что я не принят, на меня это подействовало как гром с ясного неба, – писал Адольф на страницах «Моей борь-

бы». – Удрученный, покинул я прекрасное здание на площади Шиллера и впервые в своей недолгой жизни испытал чувство дисгармонии с самим собой. То, что я теперь услышал из уст ректора относительно моих способностей, сразу как молния осветило мне те внутренние противоречия, которые я полусознательно испытывал и раньше. Только до сих пор я не мог отдать себе ясного отчета, почему и отчего это происходит. Через несколько дней мне и самому стало вполне ясно, что я должен стать архитектором». Но на пути к осуществлению этого решения встали непреодолимые препятствия. Для того, чтобы попасть на архитектурное отделение академии, следовало сперва пройти курс в строительно-техническом училище. Для того же, чтобы попасть в него, требовался аттестат зрелости, который Адольф в свое время получить не удалось. Его можно было, конечно, получить в любой момент, сдав необходимые экзамены, однако Адольф посчитал ниже своего достоинства вновь возвращаться к столь ненавидимой и презираемой им школе. К тому же вскоре ему стало не до того. Он вынужден был вернуться в Линц: его мать была при смерти.

Забавно, насколько субъективной могла быть эта оценка. Когда в 1919 году картины Адольфа Гитлера – акварельные пейзажи и портреты, писанные маслом, – показали

большому знатоку живописи профессору Фердинанду Штегеру, тот вынес однозначный вердикт: «Совершенно уникальный талант». Как повернулась бы история, сделай д'Альман подобное заключение?!

Интересно, что, стараясь как можно более сгустить краски, биографы Гитлера либо описывают его как человека абсолютно бессердечного, принявшего смерть матери как должное, либо просто обходят этот момент. Некоторые даже утверждают, что Адольф не возвращался в Линц и все произошло без него. Между тем врач, наблюдавший Клару Хидлер в последние месяцы жизни, отмечал: «За всю свою почти сорокалетнюю врачебную практику не доводилось мне видеть молодого человека, настолько убитого горем и печалью, как Адольф Гитлер».

Теперь Адольфа не держало в Линце ничто. За сестрой его присматривал опекун – бургомистр Майрхофер, государство назначило ей хорошее содержание, и Гитлер, оставив прошлое за спиной, вновь отправился в Вену. «Ко мне вернулась прежняя решимость, и я теперь окончательно знал свою цель, – вспоминал он. – Я решил теперь стать архитектором. Все препятствия надо сломать, о капитуляции перед ними не может быть и речи». Но первым препятствием было отсутствие надежд на карьеру и постоянного

заработка. Правда, в воспоминаниях Гитлер сгущает краски: его доходы, как уже говорилось в предыдущей главе, были не такими уж скромными. «Еще и теперь этот город вызывает во мне только тяжелые воспоминания, – повествует он на страницах «Моей борьбы». – Вена – в этом слове для меня слилось пять лет тяжелого горя и лишений. Пять лет, в течение которых я сначала добывал себе кусок хлеба как черноработчий, потом как мелкий чертежник, я прожил буквально впроголодь и никогда в ту пору не помню себя сытым. Голод был моим самым верным спутником, который никогда не оставлял меня и честно делил со мной все мое время. В покупке каждой книги участвовал тот же мой верный спутник – голод; каждое посещение оперы приводило к тому, что этот же верный товарищ мой оставался у меня на долгое время. Словом, с этим безжалостным спутником я должен был вести борьбу изо дня в день. И все же в этот период своей жизни я учился более, чем когда бы то ни было. Кроме моей работы по архитектуре, кроме редких посещений оперы, которые я мог себе позволить лишь за счет скудного обеда, у меня была только одна радость, это – книги. Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе

известный запас знаний, которыми питаюсь и поныне». Вот последнее утверждение – безусловно правда. Гитлер, не отягощенный повседневными занятиями, очень много читал.

Через короткое время ему удалось найти себе работу «по профилю»: «В 1909–1910 годах мое личное положение несколько изменилось. В это время я стал работать как чертежник и акварелист. Как ни плохо это было в отношении заработка – это было все же недурно с точки зрения избранной мною профессии. Теперь я уже не возвращался вечером домой смертельно усталый и неспособный даже взять в руки книгу. Моя теперешняя работа шла параллельно с моей будущей профессией. Теперь я был в известном смысле сам господином своего времени и мог распределять его лучше, чем раньше. Я рисовал для заработка и учился для души». Следует сказать, что акварели

Гитлера раскупались весьма активно: художником он все же был неплохим. Даже те, кто числил себя его политическим противником и никак не был должен хвалить хоть какие-то его проявления, признавали картины молодого австрийца значительным достижением в искусстве. А главный идеолог НСДАП Альфред Розенберг считал, что гитлеровские акварели «свидетельствуют о природном таланте, умении под-

мечать самое существенное и ярко выраженном художественном чутье».

Розенберг, Альфред (1893–1946) – партийный деятель, руководитель оккупационного режима на захваченных территориях СССР. Рейхсляйтер, обергруппенфюрер СА. Родился в Ревеле, учился в Риге и Москве. В конце 1918 года переехал в Мюнхен. Член НСДАП с 1920 года. Автор книги «Миф XX столетия» – одного из основополагающих трудов национал-социализма. Приговорен Нюрнбергским трибуналом к смертной казни через повешение.

Примерно в это же время складываются взгляды Гитлера на архитектуру. Одним из проектов, занимавших значительную часть его свободного времени, стала разработка плана переустройства Линца. Сосед Гитлера по комнате Кубичек вспоминает, что перестройка Линца стала для Адольфа просто идеей-фикс. «Он настолько запутал меня, что я часто не мог отличить, говорит ли он о реальном доме или речь идет о здании, которое должно быть построено. Для него же это не имело никакого значения».

Гитлер не останавливаясь рисует эскизы зданий в популярном в то время неоклассическом стиле – гигантские, циклопические сооружения с колоннадами и портиками. «Почему всегда самое большое? – объ-

яснял он свое пристрастие к титаническим формам. – Я делаю это затем, чтобы вернуть каждому отдельному немцу чувство собственного достоинства». Позже, уже в Ставке в Вольфшанце, он говорил соратникам по партии еще и о том, что циклопические строения должны оставить, если Германия падет, достойную память для потомков – соответствующего размера руины, будоражащие воображение и заставляющие восхищаться величию предков. Впрочем, большинству огромных зданий, рожденных его воображением, не было суждено воплотиться в реальность. Не был реализован и рожденный в венские годы план преобразований в Линце, хотя Гитлер до последнего момента лелеял планы его осуществления. Но, скажем, стадион в Нюрнберге – тот самый, который так часто показывают в документальных фильмах о Третьем рейхе, – можно осмотреть и сегодня. Хотя союзники и старались стереть память о гитлеровском режиме, это гигантское сооружение сносить не стали. По банальной причине – подсчитав, сколько средств потребуется на демонтаж, они просто пришли в ужас. Так что с трибун всего лишь убрали нацистскую символику, а сам стадион оставили в целостности. Оценить масштаб гитлеровского циклопизма по нему можно вполне. И он, мягко говоря, подавляет.

Среди жизнеописателей вождя принято выставлять

его бездарностью во всех проявлениях, кроме злодейства, но в архитектуре он и впрямь мог бы достичь многого. Главный имперский архитектор Альбрехт Шпеер утверждал уже в 1966 году, когда льстить Гитлеру смысла не было вовсе: «Я не могу исключить, что Гитлер был бы заметной фигурой в ряду других архитекторов. У него был талант».

В венский период начали складываться и политические пристрастия Адольфа. Основа для этого была выбрана не самая качественная, зато самая доступная – агитационные брошюры самых разных партий и течений. Эти рассчитанные на серую массу издания продавались и раздавались едва ли не на каждом углу. Время от времени они попадали в руки молодого Гитлера, который, с одной стороны, жадно впитывал их содержание, а с другой – содрогался от словесной дозы агитаторской лжи. Как следствие, в его случае эти грошовые листки и брошюры достигали результата подчас противоположного тому, на который рассчитывали их авторы. Именно благодаря им и чрезмерной настойчивости агитаторов сформировалась неприязнь Гитлера к социал-демократической партии.

Впрочем, тут была еще одна причина, обычно остающаяся в тени. Дело в том, что одной из причин стремления Гитлера стать художником или архитек-

тором было желание войти в класс правящих миром, в элиту и богему, продолжить и превзойти дело отца, поднявшегося из крестьян в чиновники. Социал-демократы же активно выступали против этого класса, своим существованием угрожая образу жизни, к которому стремился Гитлер.

Вероятно антисемитизм Адольфа также родом из Вены. Источники его называют разные. Кто-то считает, что виной всему еврей доктор Блох, не сумевший вылечить Клару Хидлер. Другие говорят о сексуальных домогательствах со стороны некоего богатого иудея-гомосексуалиста, о еврее, которого предпочла Гитлеру некая девушка, о еврейке-проститутке, от которой он подцепил нехорошую болезнь, или о евреях-преподавателях, «заваливших» Адольфа на экзаменах в Академию художеств. На самом деле это всего лишь предположения, мало общего имеющие с реальностью. Обычно они высказываются с единственной целью – создать сенсацию: «Я знаю, отчего Гитлер не любил евреев!» Истинный источник ненависти к представителям этого народа теперь уже не вычислить. Можно лишь предполагать, что речь идет об определенном конфликте реальности и мировоззрения. С одной стороны, евреев в Австро-Венгрии не любили и презирали. Этот антисемитизм на бытовом уровне был знаком Гитлеру с детства, был для него

неотъемлемой частью существующего мира. С другой стороны, когда Адольф переехал в Вену и попытался сделать карьеру художника, он не мог не заметить, какое влияние и какие финансовые возможности сосредоточены в руках нелюбимых и презираемых иудеев. Это противоречие могло, конечно же, стать источником его антисемитизма. Отчасти это подтверждается и его собственными словами: «С тех пор как я стал заниматься этим вопросом и начал пристально присматриваться к евреям, я увидел Вену в совершенно новом свете. Куда бы ни пошел, я встречал евреев. И чем больше я приглядывался к ним, тем рельефнее отделялись они в моих глазах от всех остальных людей. Теперь я уж больше не старался избежать обсуждения еврейского вопроса. Нет, теперь я сам искал его. Я знал теперь, что тлетворное влияние еврейства можно открыть в любой сфере культурной и художественной жизни, и тем не менее я не раз внезапно наталкивался на еврея и там, где менее всего ожидал его встретить». Впрочем, точно теперь ничего не скажешь, и нам остаются только догадки.

Через несколько лет венский период Гитлера завершился. Безысходность его положения в столице Австро-Венгерской империи, помноженная на все растущий национализм, толкала Адольфа прочь из Австрии, на север, в Германию. «Мое сердце никогда

не билось в пользу австрийской монархии, а всегда билось за германскую империю, – заявлял он. – Ввиду всего этого во мне сильнее росло непреодолимое стремление уехать наконец туда, куда, начиная с моей ранней молодости, меня влекли тайные желания и тайная любовь. Я надеялся, что стану в Германии архитектором, завоюю себе некоторое имя и буду честно служить своему народу в тех пределах, какие укажет мне сама судьба. С другой стороны, я хотел, однако, остаться на месте и поработать для того дела, которое издавна составляло предмет моих самых горячих желаний: хотел дожить здесь до того счастливого момента, когда моя дорогая родина присоединится наконец к общему отечеству, то есть к германской империи». Но, как бы то ни было, стремление покинуть Вену пересилило патриотические чувства, и Адольф Гитлер перебрался в Мюнхен: «Сам город был мне так хорошо знаком, как будто я прожил в его стенах уже много лет. Это объяснялось моими занятиями по архитектуре.

Изучая архитектуру, приходилось на каждом шагу обращаться к этому центру немецкого искусства. Эти годы до начала Мировой войны были для меня самым счастливым временем моей жизни. Правда, мой заработок был все еще ничтожен. Мне все еще приходилось не столько жить, чтобы иметь возможность ри-

совать, сколько рисовать, чтобы иметь возможность кое-как жить или, вернее, чтобы иметь возможность хоть немножко обеспечить себе дальнейшее учение. Я был твердо убежден, что рано или поздно я непременно достигну той цели, которую я себе поставил».

Пресса

Гитлера купил россиянин²⁶

Коллекция из 23 акварелей и набросков работы одного начинающего художника была продана вчера на аукционе Jefferys в Великобритании. Это событие не вызвало бы ни у кого ни малейшего внимания – мало ли что там продает скромный и небогатый аукционный дом в городишке Лоствигел, что в графстве Корнуолл. Все изменило имя этого художника – Адольф Гитлер. Вчерашняя продажа – самые масштабные торги, на которых продавались картины фюрера, поэтому аншлаг прессы и алчных коллекционеров был гарантирован. Он, собственно, и случился. На торги собралась публика со всех уголков Земли: эстонцы, россияне, американцы, англичане, японцы, новозеландцы и южноафриканцы. К телекамерам прорвались даже два клоуна – двойник Гитлера Фрэнк Санази и британ-

²⁶ www.gif.ru.

ский комик Эрон Баршак. Чтобы наверняка гарантировать свое появление в выпусках новостей, Баршак начал вопить, что на самом деле картины рисовал не Гитлер, а Муссолини, после чего неизобретательную парочку выперли из зала и перешли к изыманию денег у любителей не то живописи, не то истории.

Второе даже вероятнее: художественная ценность выставленных акварелей невелика. Аукционист Ян Моррис честно признавался: «Я не надеялся бы выручить за них и по фунту за штуку, если бы мне их кто-то принес просто так. Они ведь не настолько хороши, не правда ли?».

С ним согласны и специалисты, в один голос утверждающие, что выставленные полотна заметно уступают поздним, куда более профессиональным работам Адольфа Алоизовича. И немудрено, эти акварельки ефрейтор Гитлер, тогда еще только подумывающий о художественной стезе, предположительно, написал в 1916–1918 годах, когда служил в армии во время Первой мировой войны.

Аукциона, кстати, вполне могло бы и не быть, если бы не случайность. В прошлом году заштатный английский аукцион Jefferys выставил на продажу среди обычных картин и антиквариата портрет голландского почтальона, нарисованный Гитлером. Портрет купил один местный житель и, гордый покупкой, вывесил его

в доме в Лоствителие, где он проживает со своей матерью. На этом бы все и закончилось, но уплаченная за портрет цена – 5200 фунтов – привлекла внимание пожилой бельгийки, которой по наследству перешла коллекция работ Гитлера.

По семейному преданию, запечатанную коробку с картинами оставили в доме двое французских беженцев, возвращавшихся домой в 1919 году, после окончания войны.

Бельгийская пенсионерка рассудила, что несколько тысяч фунтов в хозяйстве будут не лишними, связалась с Jefferys и попросила аукционный дом выставить на продажу два десятка картин, подписанных «АН» или «А. Hitler». Авторство Гитлера, кстати, до сих пор не установлено с полной уверенностью, потому как бельгийские эксперты, подтвердившие их подлинность в 1980-х годах, сейчас уже мертвы. Доподлинно ясно лишь, что возраст бумаги соответствует гипотезе об авторстве Гитлера, да и историки подтверждают, что будущий фюрер в те годы действительно бывал вблизи многих запечатленных на картинах пейзажей.

Аукционный дом картины к продаже принял и рассчитывал выручить за них порядка 70 тысяч фунтов. Однако вчерашние торги принесли им сумму, превысившую экспертную оценку в два с лишним раза, –

176 тысяч фунтов. Самая дорогая акварель ушла за 10 500 фунтов стерлингов, самая дешевая обошлась покупателю в три тысячи.

Интересно, что самым денежным покупателем оказался анонимный бизнесмен из России. Именно он купил за 10,5 тысячи фунтов стерлингов (20 тысяч долларов) «Церковь През-о-Буа», подписанную «А. Hitler», и еще 4 пейзажа из той же серии.

Об этом инкогнито, не общавшимся ни с кем, кроме аукциониста, практически ничего не известно. В качестве примет таинственного покупателя корреспондент The Times упомянул лишь желтый рюкзак с игрушечным медвежонком Паддингтоном и темные очки. Почти Маршак: «Желтый рюкзак на спине у него, больше не знают о нем ничего».

Любопытно, что прошедшие торги практически не вызвали серьезных протестов, кроме нескольких возражений со стороны ветеранов да вялого осуждения со стороны некоторых организаций. «Это дурной тон, – заявил Ронда Барад из Центра Симона Визенталя. – Большинство аукционов мира воздерживается от подобного рода продаж, потому что это оскорбляет множество людей, которые все еще живы».

Действительно, во многих европейских странах, включая Германию, продажа подобных артефактов считается противозаконной. Этическая проблема с

художественным наследием фюрера действительно существует.

До недавних пор картины Гитлера были фактически табуированы. Нет, все, конечно, знали, что вождем нацизма стал несостоявшийся художник. Историки могли еще добавить, что он дважды – в 1907 и 1908 годах – пытался учиться живописи в Венской академии искусств, однако курс так и не закончил. Тем не менее занятий живописью не бросал и некоторое время даже зарабатывал на жизнь рисованием почтовых карточек и рекламных объявлений. Всего же, по оценкам историков, Гитлеру приписывается авторство около 3400 картин, эскизов и рисунков. Но увидеть их было практически невозможно.

Все изменилось в новом тысячелетии. Картины Гитлера появились в Интернете, где их и поныне может увидеть любой желающий, и началась «ползучая» легитимизация творческого наследия вождя Третьего рейха. Вот хроника текущего десятилетия.

В 2000 году некий онлайн-аукцион выставил на продажу акварели Гитлера в комплекте с прядями его волос и золотой ручкой, по утверждению продавца, также принадлежавшей Гитлеру. Выставленными лотами тут же заинтересовалась полиция, и больше об интернет-аукционистах никто ничего не слышал.

В 2001-м германский торговый дом «Фрайбург» из

города Мерцхаузен выставил на продажу изображение цветка с подписью Гитлера – холст был, предположительно, заказан в 1913 году служащими Мюнхенского магистрата, которые хотели украсить свою столовую. После бурных протестов лот был снят с торгов и возвращен владельцу.

2003 год. Два рисунка, сделанные Адольфом Гитлером в юности, – изображение тигра и леса – выставлены на аукцион в частной галерее в американском городе Бедфорд (штат Нью-Гэмпшир) с начальной ценой в 7500 долларов. Представитель посольства Германии в США заявил, что такие вещи не должны продаваться ни в США, ни в Германии, запрещены к продаже в Германии и любые предметы символики фашизма и нацизма.

В 2004 году Федеральный суд США подтвердил, что четыре акварельных рисунка, выполненные Адольфом Гитлером, а также около 2,5 млн фотографий, запечатлевших диктатора, остаются в собственности администрации США. Этот вердикт стал ответом на иск, предъявленный еще в 1983 году коллекционером нацистских предметов Билли Прайсом и наследниками личного фотографа Гитлера Генриха Хоффмана. Картины до сих пор хранятся в специальном подземном хранилище в Вашингтоне, принадлежащем армии Соединенных Штатов. Доступ к ним закрыт для

всех, кроме нескольких искусствоведов, и, по утверждению американских властей, выставляться они не будут никогда.

Однако в том же 2004 году в Японии состоялась первая публичная демонстрация наследия Гитлера-художника. Акварель с изображением венской церкви святого Карла была выставлена в одном из токийских театров. Акция была устроена компанией Toshiba Entertainment, выступившей японским дистрибутором фильма «Макс» о юности фюрера. А в следующем, 2005 году начались продажи. Рисунки Адольфа Гитлера и поздравительные открытки с его подписью, отправленные главному архитектору рейха Альберту Шпееру, были проданы за сумму в 26,5 тысячи долларов на аукционе, прошедшем в канадском городе Монреале. Через австрийский филиал электронного аукциона eBay была продана за 2100 евро картина «Мюнхен». Другой лот – картина «Bad Gastein» – получил 25 предложений и в итоге ушел за 4500 евро. А в Англии, как упоминалось, был продан портрет почтальона. И даже в Израиле уже в этом году, в галерее «Пирамида» в Хайфе, демонстрировались репродукции шести картин, автором которых является Адольф Гитлер. Выставка, правда, вскоре была закрыта мэрией Хайфы, но прецедент уже создан.

В сознании общества Гитлер-художник все более

дистанцируется от Гитлера-политика. Кто-то видит в этом опасность реабилитации и яростно протестует, продолжая доказывать, что у изверга, без всякого сомнения, по определению не может быть ничего человеческого, даже способностей к рисованию. Другие, как Роберт Стура, придерживаются противоположного мнения. Еще в 2001 году этот знаменитый режиссер написал про гитлеровские картины большую статью «Битва акварелей», где и высказал свое кредо: «Ненависть ослепляет. Даже святая».

Еще одной из причин, побудивших Адольфа покинуть Австрию, было то, что ему пришел срок быть призванным в армию. Но служить Австро-Венгрии он не желал. Австрийские власти устроили по обыкновению, существующему по сей день, настоящую охоту за «уклонистом». Ни родственники Гитлера, ни его опекун ничего не знали о его переезде в Мюнхен, и только после длительных поисков и расспросов в Вене удалось выяснить его новый адрес: Мюнхен, Шлясхаммерштрассе, 34. В январе 1914 года по этому адресу прибыл служащий уголовной полиции, который арестовал Адольфа и препроводил его в австрийское консульство. Там его уже ждала повестка из магистрата Линца, в которой от него требовали немедленно явиться для отбытия воинской повинности. Срок яв-

ки был проставлен просто нереальный: к указанному времени явиться в Линц было невозможно. Воспользовавшись этим, Гитлер направил в магистрат письмо с оправданием своего уклонения от службы: «В повестке я назван художником. И хотя это звание принадлежит мне по праву, оно все же правильно только условно. Вернее, я зарабатываю на жизнь как самостоятельный художник только ради того, чтобы обеспечить себе продолжение образования. Я могу уделить зарабатыванию на хлеб лишь частицу своего времени, потому что я все еще учусь на художника-архитектора. Так что мои доходы очень скромны, они как раз таковы, чтобы их хватало на кусок хлеба. Несмотря на жесточайшую нужду, находясь в зачастую более чем сомнительном окружении, я всегда достойно берег свое имя, совершенно безупречен перед законом и чист перед своей совестью»²⁷. Бедственное финансовое положение должно было служить оправданием того, что Гитлер не явился на освидетельствование годности к воинской службе. Как ни странно, ему удалось такими доводами разжалобить непоколебимых австрийских чиновников. В сообщении консульства, сопровождавшем письмо Гитлера, говорилось: «По сообщениям полиции и по личным впечатлениям, изложенные в прилагаемом оправдательном за-

²⁷ Фест И. Адольф Гитлер. Пермь, 1993. Т. I. С. 114.

явлении сведения полностью соответствуют истине. Он также страдает заболеванием, которое делает его негодным к военной службе. Поскольку Гитлер произвел благоприятное впечатление, мы пока отказались от его принудительной доставки и порекомендовали ему непременно явиться 5 февраля в Линц на призывную комиссию. Таким образом, Гитлер выедет в Линц, если магистрат не сочтет нужным учесть изложенные обстоятельства дела и его бедность и не даст согласия на проведение призывной комиссии в Зальцбурге»²⁸.

В указанный срок Гитлер прибыл в Зальцбург и был признан призывной комиссией негодным к строевой или вспомогательной службе. А потом вернулся в Мюнхен, радуясь тому, что все сложилось наиболее благоприятным образом. Дело не в том, что он был пацифистом. Напротив, со времен детских игр под стенами руин рыцарского замка в нем жила какая-то чисто средневековая, романтическая воинственность. Просто служба в армии Австро-Венгрии противоречила его убеждениям. Он не желал воевать за Габсбургов, предпочитая им Гогенцоллернов, не хотел служить вместе со славянами и евреями, считая единственно достойной службу на благо Германии. К тому времени Адольф чувствовал себя уже не австрий-

²⁸ Соколов Б. Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой. М., 2003. С. 37.

цем, а немцем. Как бы то ни было, вердикт австрийской комиссии о негодности к службе не помешал ему в самые первые дни Первой мировой явиться на германский призывной пункт и вступить добровольцем в баварский 16-й резервный пехотный полк. «Я уехал из Австрии, прежде всего, по соображениям политическим. Те же политические соображения требовали, чтобы теперь, когда война началась, я занял свое место на фронте, – вспоминал он. – Я шел на фронт не для того, чтобы сражаться за государство Габсбургов, но я в любую минуту готов был отдать свою жизнь за мой народ и за то государство, которое олицетворяет его судьбы». Карьера художника на этом для него завершилась, и началась карьера солдата.

Подведем итоги?

С эпизодов, описанных в этом разделе, и начинается настоящая история наших персонажей. Вот они, вышедшие в самостоятельную жизнь со сложившимися взглядами. Один уже стал убежденным марксистом, причем марксистом крайнего толка, революционером. Другой пусть еще и не сформулировал окончательно своих взглядов, но уже в полной мере стал антисемитом и националистом. Первого отделяет от кристаллизации его взглядов в устойчивую и стройную систему череда бандитских налетов во славу революции, ссылка и сама революция, второго – война, революция и самостоятельная попытка захвата власти. Однако общее между ними одно – в этот период и у Сталина и у Гитлера сложилось твердое убеждение в необходимости изменения существующего порядка жизни, необходимости борьбы за справедливость. Только один из них в силу личной горячности и неумения ждать сразу включился в борьбу, а другому понадобилось еще несколько лет для того, чтобы осознать, что и как он хочет сделать.

III

Время перелома

Настоящий революционер

Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль. Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в

себе и тысячу загадок.
Андрей Громыко

Итак, выбор был сделан – семинария и мечты об относительно спокойной жизни остались далеко позади. Со всей свойственной юноше горячностью, со всем свойственным южной крови фанатизмом Иосиф Джугашвили окунулся в революционную деятельность. Просветительские кружки, общение с рабочими, организация акций, подобных упоминавшейся уже забастовке железнодорожников, – все это имело в его представлении одну, главную цель, имя которой было – справедливость. Именно установление справедливости, справедливого, правильного общественного устройства считал молодой Иосиф Джугашвили истинной целью марксизма. По крайней мере, на тот момент. Перед этой целью меркли разнообразные бытовые неурядицы, разлад отношений с матерью и даже то, что юному революционеру банально не на что было жить.

Впрочем, последнее не было так уж важно. В конце концов, друзей у него в Тбилиси было много – находилось у кого переночевать и к кому сходить пообедать. Один из приятелей, кстати, позаботился о работе и о жилье для Джугашвили – пристроил его работать вычислителем-наблюдателем в Тифлисскую физическую обсерваторию. А там, хоть оклад был и невелик,

полагалась казенная квартира. Правда, по воспоминаниям современников, жилище Иосифа было почти пустым: своих вещей у него практически не было. разве что некоторое количество книг да одежда – фактически только та, что надета на нем.

Молодой и романтичный

Авель Енукидзе описывает его внешность в ту пору так: «Очень тонкое, одухотворенное лицо, густые, черные как смоль волосы. Юношеская художавость подчеркивала грузинский овал его лица и по-грузин-

ски печальные глаза. Невысокого роста, не слишком широкий в плечах. Продолговатое лицо, прозрачная молодая бородка, несколько тяжелые веки, тонкий и прямой нос; на густых черных волосах – немного сдвинутая на бок фуражка»²⁹. Короче говоря, вид почти ангельский. Но мысли в этой «ангельской» голове водились самые что ни на есть боевые.

Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937), политический и государственный деятель. С 1918 – секретарь Президиума ВЦИК, в 1922–1935 годах – секретарь Президиума ЦИК СССР. Член Центральной контрольной комиссии большевистской партии с 1924 года (член Президиума с 1927). Репрессирован.

При непосредственном участии Иосифа Джугашвили тифлиссские социал-демократы стали постепенно менять тактику деятельности не то чтобы сворачивая просветительскую деятельность, но подчас жертвуя ею ради отдельных, более наглядных, показательных акций.

Начались забастовки, появились самопечатные листовки с призывами к стачкам. Правда, и забастовки по первости чаще всего заканчивались арестом участников, и типографию, где буквально на коле-

²⁹ Барбюс А. Сталин. Человек, через которого открывается новый мир. М. 1936.

не лепили листовки, собирая шрифт в матрицу из папиросных коробок и используя вместо типографской краски сложный самодельный состав на желатине, буквально гоняли по всему городу, благо оборудование – один-единственный винтовой пресс и мешок шрифта – можно было эвакуировать довольно быстро. Но революционеры набирались опыта, и когда в 1900-м в Тифлисе заработала местная ячейка РСДРП, Джугашвили сотоварищи обладали, как теперь сказали бы, уникальным опытом. Собственно, именно благодаря его опыту он и выдвинулся в руководство местного комитета партии. Кстати, именно тогда прозвучал в первый раз псевдоним «Сталин». Впрочем, на ту пору это было не более чем «проходное» имя, одно среди прочих – Давид, Нижерадзе, Чижиков. Сам Джугашвили предпочитал партийную кличку «Коба» – волшебник.

Версия

Что означало имя Коба?³⁰

Как бы мы ни трактовали это слово, какие бы версии ни принимали за подлинные, как ни странно, мы приходим всегда к выводу, что этот псевдоним имел

³⁰ Похлебкин В. Великий псевдоним. Цит по: www.kre.ru.

для молодого Джугашвили символический смысл. И весьма глубоко символический.

Если исходить из того, что Коба (Кобе, Кова, Кобь) взято из церковно-славянского языка, то оно означает волховство, предзнаменование авгура, волхва, предсказателя, что весьма близко к предыдущему сталинскому псевдониму К. Като, но в более широком и более обобщенном смысле.

Если же исходить из того, что это слово грузинское и означает имя, то Коба – это грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса, сыгравшего большую роль в раннесредневековой истории Грузии.

Царь Коба покорил Восточную Грузию, при нем была перенесена столица Грузии из Мцхета в Тбилиси (конец V века).

Но Коба не просто царь из династии Сассанидов, он – по отзыву византийского историка Феофана – великий волшебник. Обязанный в свое время своим престолом магам из раннекоммунистической секты, проповедовавшей равный раздел всех имуществ, Коба приблизил сектантов к управлению, чем вызвал ужас у высших классов, решившихся составить против Кобы заговор и свергнуть его с престола. Но посаженного в тюрьму царя-коммуниста освободила преданная ему женщина, и он вновь вернул себе трон. Эти подробности биографии царя Кобы кое в чем (комму-

нистические идеалы, тюрьма, помощь женщины в побеге, триумфальное возвращение на трон) совпадали с фактами биографии Сталина. Более того, они продолжали совпадать и тогда, когда Сталин расстался с этим псевдонимом, ибо в 1904–1907 годах Сталин не мог, конечно, предвидеть 1936–1938 года, но он знал, что его двойник царь Коба в 529 году (за два года до смерти) зверски расправился со всеми своими бывшими союзниками – коммунистами-маздакитами.

Некоторые иностранные биографы Сталина (а вслед за ними и подражающие им отечественные), опираясь на указания некоторых своих поверхностных грузинских информаторов, считают, что псевдоним «Коба» Сталин заимствовал, якобы, от имени героя одного из романов грузинского классика А. Казбеги – «Отцеубийца», которого также звали Кобой и который предстает в романе как абрек-горец, ведущий борьбу за независимость своей родины. Однако следует иметь в виду, что у самого А. Казбеги имя Коба – вторично, взято оно от Кобы-царя, после которого оно и приобрело распространение в Грузии. Но важно отметить и то, что Сталину не мог импонировать образ одиночки-абрека, поскольку образ коммуниста-царя Кобы был и исторически значительнее, и символически неизмеримо ближе всему мировоззрению Сталина. Кроме того, в политических статьях и выступлениях

ях Сталина в период 1902–1907 годах мы находим явные следы его знакомства с персидской историей эпохи Сассанидов. Одно из них – систематическое и излюбленное Сталиным употребление термина «сатрапы» для обозначения царских чиновников в России.

Для грузин это было не только общепонятным, но и многоговорящим термином, совмещающим весьма емко и образно понятия национальной и классовой борьбы одновременно. Нет никакого сомнения, что исторический прототип, послуживший основой для псевдонима Коба, то есть царь-коммунист Кобадес, импонировал Сталину как государственная и политически сильная, значительная личность и, кроме того, обладал в своей биографии чертами, поразительно сходными с биографией и психологией самого Сталина.

Однако Коба как псевдоним был удобен только на Кавказе. Вот почему как только Иосиф Джугашвили оказался теснее связан с русскими партийными организациями, как только он «пообтерся» в русских тюрьмах и сибирской ссылке, как только он стал вести работу в таких сугубо русацких регионах, как Вологодская губерния и Петербург, перед ним возник вопрос о смене слишком грузинского псевдонима Коба на какой-нибудь иной, звучащий по-русски и имеющий смысл для русских людей./.../

Он работал в революционном движении уже почти 15 лет, за это время он сменил и использовал два десятка разных псевдонимов. Из них лишь один – Коба – хорошо привился и обладал смыслом, целиком удовлетворявшим Сталина. Но он не мог быть сохранен далее из-за перемены Сталиным поля своей деятельности, из-за выхода его деятельности за пределы партийных организаций Закавказья, за пределы привычного региона.

Таким образом, вопрос о выборе нового псевдонима (наряду с Кобой или вместо Кобы) встает перед Сталиным не ранее осени 1911 года и связан целиком с новыми перспективами его партийной работы.

И его соратники по партии не раз убеждались в том, что кличка ему соответствует: если нужно было что-то организовать, буквально достать «из ничего», Коба и правда был волшебником – ему отлично удавалось общаться с людьми, добываясь от них того, что ему было нужно. Памятуя об этом его таланте, тифлисский комитет дал ему специальное задание – «окучить» промышленный город Батум. Дело в том, что влияние РСДРП там ограничивалось несколькими стихийно возникшими просветительскими марксистскими кружками. А мечталось о серьезной, влиятельной организации, способной координировать всю за-

бастовочную деятельность в крупном промышленном центре. Джугашвили для этой цели подходил более всего. Во-первых, местный, а значит, априори вызывающий меньше подозрений, во-вторых, умеющий добиваться практически всего и от всех и, в-третьих, стопроцентно проверенный и свой. Да к тому же тифлисские эсдэки не смогли удержаться от искушения устроить весной 1901 года первомайскую демонстрацию, продемонстрировав местным властям свое нарастающее влияние. Власти же, разумеется, ответили серьезным расследованием и арестами. Это был, пожалуй, первый раз, когда за социал-демократов Тифлиса взялись настолько всерьез. Поэтому отъезд Джугашвили, которым партия к тому времени уже дорожила как весьма ценным кадром, в Батум был делом решенным.

Честно говоря, я не знаю точно, был ли примененный Иосифом в Батуми принцип формирования организации на ту пору в ходу у эсдэков или он его вычитал в какой-нибудь книжке про масонов, но сегодня идея, легшая в основу формирования батумской организации, считается классикой шпионской деятельности и... сетевого маркетинга. Выступив на собрании одного из кружков, состоявшего из семи человек, тифлисский посланец дал задание каждому из членов кружка донести содержание беседы до семи сорат-

ников, дав при этом каждому из них задание найти следующую семерку. Как бы там ни было, но дебют в качестве МММ-щика Джугашвили более чем удался: в Батуме появилась собственная организация, началась активная работа. Снова заработала типография – такого же примерно плана, что и в Тифлисе, – примитивная, но от того не менее эффективная: можно было использовать как инструмент влияния самопечатные листовки – на русском, армянском, грузинском. А еще загремела по всем промышленным центрам Кавказа газета «Пролетариатис брдзола» – «Пролетарская борьба», местный вариант «Искры» – то же самое, практически, только, как говорится, труба пониже да дым пожиже. И, разумеется, начались забастовки и стачки. Причем достаточно серьезные, чтобы по-настоящему испугать хозяев батумских предприятий.

Надо сказать, что Россия на ту пору была, конечно, уже вполне промышленной державой, но еще слишком молодой, чтобы обладать соответствующим опытом взаимодействия рабочих и работодателей. Это в Великобритании, с ее притиркой интересов, продлившейся несколько веков, начиная с огораживаний, восстаний луддитов и диггеров, к началу XX века все было относительно мирно – понимающие свою выгоду от сотрудничества с рабочими заводчики, высочай-

шей волей благословленные профсоюзы – тред-юнионы, худо или бедно, но действующие социальные законы. Или в Германии, где социал-демократы порой оказывались без работы, настолько основательно соблюдало интересы граждан правительство, насаждающее сверху понятия пенсионного возраста, гарантированного отпуска, техники безопасности на предприятии и страхования жизни и здоровья работников. А Россия вылезла из своего чисто крестьянского прошлого только, буквально, позавчера. И еще совсем недавно самым крупным предприятием на российских просторах была мануфактура, где работали бесправные крепостные. И вдруг – промышленное развитие! Владельцам предприятий зачастую просто в голову не приходило, что они должны что-то делать для рабочих. Нет, не по злобе, просто вследствие инерции мышления. Ведь они – хозяева, или как?! Поэтому забастовки были для них чем-то вроде пресловутого грома с ясного неба. Как!? Эти работяги еще чего-то требуют?! А теперь помножьте описанную ситуацию на восточный менталитет, на горскую горячность – и вы получите взрывоопасную смесь, готовую в любой момент разразиться кровопролитнейшим конфликтом. Так в конце концов и произошло: очередная стачка в Батуме закончилась арестом зачинщиков, а демонстрация в поддержку арестован-

ных – взломом пересыльной тюрьмы, освобождением узников и стрельбой по живым мишеням. Охрана тюрьмы открыла огонь (а что еще оставалось делать бедолагам-солдатам, давшим присягу и выполняющим приказ?), пролилась кровь, и дело уже было на тормозах не спустить. Началось расследование, массовые аресты, полиция моментально напала на след тифлисского гостя, и уже совсем скоро, в апреле 1902-го, он грел нары в той самой тюрьме, к которой несколько дней назад привел демонстрацию.

Так сложилось, что тюрьма и ссылка никогда не пугали отечественных революционеров. Напротив, даже из весьма специфической советской литературы, посвященной истории революции, становится ясно, что единственным толковым способом борьбы с революционной заразой могло стать физическое устранение идеологов движения или, на худой конец, каторга. Потому что время, проведенное в заключении, использовалось ими для самообразования – так сказать, повышения квалификации. Не говоря уже о том, что отсылать носителей вредоносных с точки зрения правящего режима политических идей в другие, пусть и достаточно отдаленные регионы страны – вообще затея очень странная, способствующая скорее распространению того, с чем полагается бороться. Поэтому свою «посадку» Иосиф вовсе не воспринял тра-

гически. Напротив, он принялся, как говорится, «шить шубу из шкуры заказчика» – использовал предоставленную ему возможность для пропагандистской работы среди заключенных. Или, говоря словами его официальной биографии, – «в тюрьме (сначала в батумской, потом – с 19 апреля 1903 года – в известной своим тяжелым режимом кутаисской, затем снова в батумской) Сталин не порывает связей с революционной работой»³¹. Вы только представьте себе, какой «подарок» самим себе сделали власти!

По правде сказать, удивительно, насколько мягко обращалось царское правосудие с политическими заключенными, особенно – из «чистой» публики. Почитаешь рассказы о Ленине, скажем, и в удивление приходишь: и камера у него была одиночная, да при этом без «подселенцев», и молоко в меню водилось свежее (помните хрестоматийный эпизод с чернильницей?). Вот и в рассказах о сталинском заключении тоже по нынешним временам много странного. Можете представить себе, чтобы заключенные, скажем, питерских «Крестов» устроили обструкцию тюремному начальству, лупя со всей силы в железные ворота тюрьмы?! Для начала, кто бы их подпустил к воротам? А кроме того, они вполне отчетливо представляют, насколько такая акция может оказаться вредной

³¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 19.

для здоровья. В прямом смысле. А в царской России такие штуки сходили заключенным с рук. Джугашвили сотоварищи добились таким образом улучшения условий содержания в кутаисской тюрьме. И ничего, никто не избил заключенных, не раскидал их по карцерам. Единственное, на чем отыгралось тюремное начальство, – выделило для политических камеры похуже. Да еще поселило их вместе, чтобы не вздумали уголовных бунтовать. Вот вам и «известная своим тяжелым режимом».

Летом 1903 года Джугашвили наконец отправили в ссылку. «Наконец» потому, что дело его рассматривалось неприлично долго. Настолько, что некоторые биографы Сталина заявляют, что власти попросту «потеряли» заключенного. Не будем спорить с ними – это не столь уж важно. Важнее, что в июле 1903 года бывший семинарист, а ныне кадровый революционер отправился в свою первую ссылку – под Иркутск, в село Новая Уда. Что это было за место? Дадим слово коллеге – жизнеописателю Сталина из газеты «Правда»: «В то время Новая Уда делилась на две части – верхнюю и нижнюю. Нижняя часть называлась Заболотье: на маленьком мысочке, окруженном с трех сторон топкими болотами, стоял десяток домишек, в которых жили крестьяне-бедняки. В верхней части села расположились две купеческие лав-

ки, огромное здание острога, окруженное высоким ча-стоколом, пять кабаков и церковь. Здесь жила ново-удинская «знать». Лучшие дома занимали местные купцы и торговцы. Ссылные, направлявшиеся в Новую Уду, распределялись группами и в одиночку по крестьянским дворам. Каждый из них обязан был регулярно являться в волостное правление для отметки. Прибыв в Новую Уду, товарищ Сталин поселился в беднейшей части села – в Заболотье – у крестьянки Марфы Ивановны Литвинцевой. Убогий, покосившийся домик Литвинцевой был расположен на краю болота, в нем было две комнаты. Одну из них и занял И. В. Джугашвили»³². Добавим к этому только, что некоторое время спустя Иосиф переселился в менее убогое помещение – к Митрофану Кунгурову, крестьянину, подрабатывавшему извозом, а потому несколько более зажиточному и благополучному. Подвижничество – подвижничеством, а вкусно покушать будущий вождь любил всегда.

Кстати, в качестве лирического отступления снова о мягкости дореволюционных порядков в отношении заключенных и ссыльных: ссыльному ежемесячно полагались казенные деньги «на прожитье», которых хватало и на питание, и на съём квартиры, но не

³² Иванов Б. В Новой Уде // Правда. 1939. 25 дек. Цит. по: *Балаян Л. Сталин.*

хватало на то, чтобы уехать из мест ссылки. Выплаты прекращались, только если у «стипендиата» появлялся какой-то сторонний источник средств к существованию. О, этот стократно проклятый в советской литературе палаческий режим, о, царские сатрапы! Странно и непривычно все это смотрится теперь, правда?

Не могу сказать определенно, но возникает ощущение, что ссылка воспринималась эсдэками как нечто вроде инициации. По крайней мере, как бы Иосиф Джугашвили ни лез из кожи вон у себя на Кавказе, партийные идеологи не обращали на него особенного внимания. Но стоило ему оказаться в ссылке, как – гляди-ка! – он получил письмо от Тулина. То есть, простите, от Владимира Ульянова. Ну, пусть не письмо, а, скорее, развернутую записку, но это все равно. Вы представьте психологический эффект этого листка бумаги! Ленин признал его равным, поделился своими соображениями относительно необходимости внесения изменений в программу партии, высказал критику в отношении того, что и самому Джугашвили не нравилось в РСДРП. Такое письмо не могло оставить его равнодушным: Иосиф воспринял его как призыв к действию и решил бежать из ссылки.

Говорит Сталин

Ленинское письмо³³

Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина – Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие – стоят ниже Ленина на целую голову, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по

³³ Сталин И. О Ленине // Правда. 1924. № 34.

неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири – это было в конце 1903 года, – я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил друг с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, – когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика я предал сожжению.

И ведь бежал, что характерно, причем успешно! Правда, не с первого раза. Первая попытка провалилась из-за мороза: опального революционера этапировали с теплого летнего Кавказа, так что у него не

было нормальной зимней одежды, а были только, по воспоминаниям других ссыльных, легкая папаха на сафьяновой подкладке, бурка и щеголеватый белый кавказский башлык (то-то, должно быть, зрелище было для местных жителей!). Так что, попытавшись покинуть Новую Уду, он сумел добраться только до близлежащего городка, здорово обморозив руки и физиономию.

Вторая попытка оказалась более успешной, хотя кроме того, что Иосифу таки удалось бежать, о ней ничего не известно. Впрочем, Лев Балаян в своей книге цитирует письмо Михаила Кунгурова, которое крестьянин написал Сталину уже в 1947 году, отчаявшись получить нормальную пенсию и умоляя о помощи. В этом письме, в частности, говорилось: «Я глубоко извиняюсь, что беспокою Вас. В 1903 году, когда Вы были в ссылке, село Новая Уда Иркутской губернии Балаганского уезда, в то время жили у меня на квартире. В 1904 году я увез Вас лично в село Жарково по направлению к станции Тыреть Сибирской железной дороги, а когда меня стали спрашивать пристав и урядник, я им сказал, что увез Вас по направлению в город Балаганск. За неправильное показание меня посадили в каталажку и дали мне телесное наказание – 10 ударов, лишили меня всякого доверия по селу. Я вынужден был уехать из села Новая Уда на станцию

Зима Сибирской железной дороги»³⁴. Вот оно, оказывается – все обыденно и просто! Уговорил своего домохозяина – то ли попросту купил его молчание за собранные «в шапку» среди ссыльных деньги, то ли по своему «волшебному» обыкновению уболтал его – и тот согласился не просто отвезти смешного кавказца в бурке до ближайшей станции, но даже пресловутые десять ударов вытерпеть.

Почему такое изумление в моих словах? Потому что версий относительно «механизма» бегства из ссылки было несколько – все авторские, рассказанные в разное время Сталиным в качестве байки, и все как одна сенсационные. Чего стоило, скажем, утверждение, что ссыльный горец банально «угнал» ямщика – заставил довести его до нужного места, угрожая вознице кинжалом. Или вот еще прекрасный образчик остроумия вождя – рассказ, что он нанимал вывезших его из Сибири ямщиков за аршин водки. Кто только не цитировал эту байку, но лучше всего, сдается, сделал это Вильям Похлебкин, свято уверовавший в ее правдивость: «Сталин, используя интуитивно и сознательно некоторые черты русского характера, умел располагать к себе ямщиков на сибирских трактах. Он не старался их упрасивать скрыть его от полиции обещаниями дать деньги или, как барин, не предлагал им

³⁴ *Балаян Л.* Сталин // stalin.su.

«дать на водку», то есть всячески избегал того, чтобы люди воспринимали его как человека, хотевшего их «подкупить», сделать что-то недозволенное за взятку, ибо хорошо понимал, как оскорбляли такие предложения открытых, наивных, честных, простых русских провинциальных людей. Вместо этого он «честно» говорил ямщикам, что денег у него на оплату поездки нет, но вот пара штофов водки, к счастью, имеется, и он предлагает платить по «аршину водки» за каждый прогон между населенными пунктами, насколько хватит этих штофов. Ямщик, конечно, со смехом начинал уверять тогда этого явно нерусского инородца, что водку меряют ведрами, а не аршинами. И тогда Сталин вытаскивал из-за голенища деревянный аршин – досочку длиной 71 сантиметр, доставал из мешочка несколько металлических чарочек, плотно уставлял ими аршин, наливал в них водку и показывал на практике, как он понимал «аршин водки». Это вызывало всеобщий смех, веселье, поскольку все это было как-то ново, необычно и приятно «тормошило» русского человека в обстановке серости и обыденности провинциальной жизни. Главное же – такой подход превращал взятку из «подачки» и «подкупа» в товарищескую игру, лишал всю эту сделку ее смущавшего людей неприличия, ибо создавал ситуацию товарищеской шутки, азарта и дружеского взаимодействия,

так как нередко уже второй или третий «аршин водки» распивался совместно. «И откуда ты взялся, такой веселый парень! – говорили ямщики, не без сожаления расставаясь с необычным пассажиром. – Приезжай к нам еще!», – поскольку он слезал через три-четыре станции, откуда уже с другими ямщиками продолжал ту же игру, всегда проезжая небольшой отрезок пути и никогда не говоря конечного пункта своего следования, и вообще не упоминая ни одной станции, которые он не знал и в названии которых не хотел ошибиться. Он ехал – куда хватит «аршина водки» или нескольких аршинов, – и так неуклонно и надежно продвигался из Сибири в европейскую Россию, избегая всяких встреч с полицией. Так, несмотря на весь свой грузинский, «кавказский» вид и вопреки явно нерусскому акценту и речи, Сталину удавались его дерзкие побег из самых отдаленных углов Российской империи. Он знал народ, и народ, чувствуя это, был на его стороне, разумеется, и не подозревая, с кем в действительности имеет дело»³⁵.

Ну, как бы то ни было, какую версию ни прими, а из ссылки Иосиф выбрался. Правда, к добру или к худу – ему самому на ту пору было неясно: прежде чем снова войти в обойму партийного актива, ему пришлось пережить непростое время, когда соратники по

³⁵ Похлебкин В. Великий псевдоним // rusinka. qsp. ru.

партии просто не допускали его к работе – проверяли. Да еще размежевание между двумя партийными фракциями – большевиками и меньшевиками – становилось все круче, так что часть сопартийцев бегло большевика не воспринимала в принципе. Но в конце концов к работе его допустили: все слухи о том, что, де, Джугашвили – провокатор, остались в прошлом. И для Иосифа настала пора напряженной работы.

Пресса

Был ли Сталин агентом-провокатором?³⁶

Когда я знакомился с материалами международной дискуссии по вопросу о том, был ли Иосиф Джугашвили-Сталин агентом Охранного отделения, в голове у меня беспрестанно крутились поэтические строки: «Как летом роем мошкара // Летит на пламя, // Слетались хлопья со двора // К оконной раме». Какое невероятное множество разного рода хлопьев слеталось и слетается к биографической раме всесильного советского диктатора! Сколько всевозможных мошенников и сенсационистов пыталось и пытается погреть руки возле немилосердного пламени его жиз-

³⁶ *Земляной С.* Агент охраны или провокатор по призванию? Нечаевские методы в политическом арсенале Иосифа Сталина // Независимая газета. 2002. 3 июля.

ни! И неважно, что все без исключения «документы», якобы доказывающие факт службы Сталина в охране, были либо подложными (письмо Еремина), либо недостоверными (книга Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений»), либо несуществующими («Папка Виссарионова», статья Агниашвили в грузинской газете «Коммунисти» от 20 апреля 1940 года). С достойной лучшего применения настырностью отечественные авторы один за другим открывали для публики эти «источники», давно расшифрованные на Западе как фальшивки или мистификации. Никаких прямых дефинитивных доказательств службы Иосифа Сталина в Охранном отделении сегодня не существует.

/.../Вопрос/.../о Сталине-провокаторе/.../стал одним из проклятых русских вопросов, по-гераклитовски «мерами вспыхивающим и мерами угасающим». И окруженным почти непроницаемой завесой сфабрикованных умельцами биографических легенд и политических сказаний о Сталине. Ирония истории состоит в том, что человек, которому Лев Троцкий посвятил специальную работу «Сталинская школа фальсификаций», при жизни и особенно после смерти превратился в привилегированный объект фальсификации.

Справедливости ради стоит заметить, что имеют

место некие косвенные свидетельства в пользу версии о Сталине-агенте. Это воспоминания Доментия Вадачкори «Организатор революционных боев батумских рабочих», помещенные в книге «Батумская демонстрация 1902 года», которая была выпущена Партиздатом ЦК ВКП (б) в 1937 году (!) под редакцией Лаврентия Бери (!) и при совершенно экстраординарных обстоятельствах. Книга почему-то издавалась с неслыханной, молниеносной даже по нынешним меркам скоростью. Вот ее выходные данные: «Сдано в производство 10 марта 1937 года. Подписано к печати 15–17 марта 1937 года. Вышла в свет 20 марта 1937 года. Тираж 10 000 экз.». Должно было произойти в политической жизни Советского Союза, в его верхах нечто экстраординарное, чтобы таким образом был включен зеленый свет перед квазиисторическим изданием. Некие дополнительные краски в эту необычность вносит следующий странный фрагмент из воспоминаний Доментия Вадачкори о товарище Сосо, то есть молодом Иосифе Джугашвили: «Спустя несколько дней товарищ Сосо был арестован. Затем его отправили в кутаисскую тюрьму, откуда выслали в Сибирь. После побега из ссылки товарищ Сосо вновь приехал в Батуми. Помню рассказ товарища Сосо о его побеге из ссылки. Перед побегом товарищ Сосо сфабриковал удостоверение на имя агента при одном

из сибирских исправников. В поезде к нему пристал какой-то подозрительный субъект-шпион. Чтобы избавиться от него, товарищ Сосо сошел на одной из станций, предъявил жандарму свое удостоверение и потребовал от него арестовать эту «подозрительную» личность. Жандарм задержал этого субъекта, а тем временем поезд отошел, увозя товарища Сосо.» Поезд отошел, отточие принадлежит автору (или «автору») этих воспоминаний, но жгучее недоумение остается.

Кому была выгодна эта почти невозможная, немислимая для 1937 года публикация? Чего добивался с ее помощью Лаврентий Берия? Может быть, ситуацию проясняет (или затемняет) одно место из мемуаров Никиты Хрущева. Хрущев описывает одну из встреч со Сталиным, происходившую в том же 1937 году «Это все чекисты, – говорил Сталин, – стали делать и подбрасывать нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии». «Поясню, – писал Хрущев, – о чем шла речь. Тогда хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской охранкой» («Вопросы истории», 1990, № 6, с. 81). Однако воспоминания – это всего лишь воспоминания, и незыблемым остается принцип критики подобных ис-

точников: никто не врет так, как очевидец. Сомнения остаются, и, видимо, навсегда.

Сергей Земляной

В следующие несколько лет он разъезжал по всему Кавказу и Закавказью, организуя партийные ячейки, создавая революционные организации, устраивая нелегальные типографии. Откуда брались на все это деньги? В первую очередь, конечно, – от спонсоров. Как говорят, почти все закавказские нелегальные типографии финансировал местный промышленник меценат Петр Багиров. Нравилось ему играть в политику, не задумывался, бедолага, кому и на что деньги дает, а главное – чем все это может закончиться. Хотя на ту пору деньги эсдэкам давал не он один. Это была своего рода повальная мода среди либеральной буржуазии, недовольной порядками правления Николая II. Впрочем, вскоре этот источник финансирования иссяк: Манифест 17 октября вывел буржуазию из политической борьбы. По идее, рабочий класс тоже должен был «замириться» с правительством, благо меры для этого были приняты довольно серьезные – выполнены практически все требования из тех, что предъявляла буржуазия, и многие из тех, что были выставлены рабочим классом. Но революция от этого не угасла. Силы, однажды вызванные из небытия, было про-

сто так не остановить. В России повторялся старинный сюжет сказки об ученике чародея. И даже разгром последовавшего в декабре московского восстания (советские историки старательно изображали, что восстание было своевременно свернуто его организаторами, но на деле, если подсчитывать потери и оценивать результаты, речь идет именно о разгроме) не остановил надвигающегося кризиса – разгорающегося пламени революции. Правда, финансирование радикально настроенные партии потеряли.

Манифест 17 октября 1905 года – манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», опубликованный в дни Октябрьской Всероссийской политической стачки 1905 года, когда установилось временное равновесие борющихся сил и «царизм уже не в силах подавить революцию», а «революция еще не в силах раздавить царизм» (Ленин В. И., Полное собрание сочинений, 5-е изд., М., 1979, т. 12, с. 28). Манифест был подготовлен С. Ю. Витте, считавшим конституционные уступки единственным средством сохранить самодержавие. В манифесте было обещано «даровать» народу «незыблемые основы гражданской свободы», неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов; привлечь («в меру возможности») к выборам в Государственную Думу те

слои населения, которые были лишены избирательных прав (главным образом рабочие, городская интеллигенция); признать Думу законодательным органом, без одобрения которого никакой закон не может войти в силу.

Вскоре эсдэки освоили на ту пору прекрасный метод финансирования своей партии, как будто позаимствованный у Дикого Запада, – ограбление почтовых дилижансов и казначейств. Как полагается в хорошем вестерне – с метанием бомб и громом выстрелов. Причем эти мероприятия были не единичными, а вполне общепринятыми. В разработке и организации «экспроприаций» принимал участие старинный приятель Джугашвили – Симон Тер-Петросян. Сын солидного армянского купца, он проникся революционной романтикой, бросил мысли о карьере армейского офицера и стал одним из самых лихих боевиков Кавказа. Эта его «лихость» очень затейливо совмещалась со свойственной интеллигенции «перемежающей порядочностью». Он сам рассказывал, что во время одной экспроприации, где он должен был бросать бомбу, ему показалось, что за ним наблюдают двое сыщиков. До момента действия оставалась какая-то минута. Он подошел к сыщикам и сказал: «Убирайтесь прочь, стрелять буду!» Объяснил это так: «Может быть, просто бедные люди. Какое им

дело? Зачем тут гуляют? Я не один бросал бомбы; ранить, убить могли»³⁷. Своеобразной вершиной его карьеры налетчика стало ограбление инкассаторского дилижанса в Тбилиси, в котором он принимал участие вместе с Джугашвили.

Тер-Петросян, Симон Аршакович (1882–1922) – участник революционного движения, большевик. Один из организаторов подпольных типографий, транспортировки оружия и литературы, денежных «экспроприаций» в 1918–1920 годах в партийном подполье на Кавказе и юге России. Погиб, попав под автомобиль. Предположительно был устранен по приказу Сталина.

На самом деле этот «экс» описывают едва ли не все современные биографы Сталина, так что тут, наверное, стоит попросить прощения за вторичность. Но без этого описания не обойтись, уж больно хорошая иллюстрация методов борьбы, применявшихся Джугашвили сотоварищи. Итак, на календаре было 13 июня 1907 года. В ресторанчике «Тилипучури» на Дворцовой улице встретились ранние посетители – два старых приятеля – Коба и Камо (насмешливая кличка

Тер-Петросяна, «приклеенная» ему Иосифом и

³⁷ *Минасян Л.* Революционное безумие Камо // Ноев Ковчег. 2006. № 6.

превратившаяся в партийный псевдоним). Посидели, разговаривая ни о чем, и двинулись в сторону Эриваньской площади. Почему именно туда? Вероятно, в местном отделении Государственного банка у Кобы был осведомитель, сообщивший ему, по какому маршруту повезут сегодня деньги с почты. А маршрут был выбран самый что ни есть безопасный: с Тифлисской центральной почтовой станции через центр города, мимо штаба Кавказского военного округа. Чтобы напасть на конвой, движущийся по этому пути, налетчик, по всем прикидкам, должен был быть окончательным безумцем. Впрочем, куш был велик – две с полтиной сотни тысяч рублей, сумма по тем временам не просто большая, а гигантская, но такого риска, как ограбление прямо перед воротами штаба округа, он, скорее всего, не стоил. И никто не рассчитывал на то, что именно с двумя безумцами, или, как сказали бы сегодня, «отморозками», и предстоит столкнуться кассиру и казакам конвоя.

Коба и Камо просто забросали конвой самодельными бомбами, схватили мешки с деньгами и скрылись. Д. Сагирашвили писал об этом так: «Автор этих воспоминаний случайно был свидетелем экспроприации, будучи в тот момент на Эриваньской площади, где находилось большое здание (дом Тимамшева), в котором помещался банк. На моих глазах чет-

веро грабителей бросились к коляске, на которой были привезены деньги из казначейства. Бросив под ноги лошадям бомбу и тяжело ранив охрану, они забрали ящик с деньгами и, пользуясь замешательством, скрылись. Среди грабителей Джугашвили не было, но вероятнее всего, что именно он был организатором этого дела»³⁸. А Лев Троцкий, несмотря на всю его нелюбовь к Сталину, описывает происшествие следующим образом: «Ход операции был рассчитан с точностью часового механизма. В определенном порядке брошено было несколько бомб исключительной силы. Не было недостатка в револьверных выстрелах. Мешок с деньгами (241 тысяча рублей) исчез вместе с революционерами. Ни один из боевиков не был задержан полицией. На месте остались трое убитых из конвоя; около 50 человек были ранены.»³⁹ Ну, насчет пятидесяти раненых Лев Давыдович по свойственной ему революционной привычке преувеличивает, но в целом его оценка мероприятия дает представление о методах действия Джугашвили. Правда, вот беда: захваченные деньги были в крупных купюрах, так что реализовать их не удалось. На это в своих воспоминаниях сетовала Надежда Круп-

³⁸ Сагирашвили Д. Сталин. Из воспоминаний и размышлений // Нева. 1993. № 7.

³⁹ Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 152.

ская: «Деньги от тифлисской экспроприации были переданы большевикам на революционные цели. Но их нельзя было использовать. Они были в пятисотках, которые надо было разменять. В России этого нельзя было сделать, ибо в банках всегда были списки номеров, взятых при экспроприации пятисоток. И вот группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов. В Париже при этой попытке попался Литвинов – будущий нарком иностранных дел, в Женеве подвергся аресту и имел неприятности Семашко – будущий нарком здравоохранения. Впрочем, часть добычи удалось реализовать. Чтобы в Европе не было компрометирующих партию новых попыток размена экспроприированных пятисоток, в 1909 году, по настоянию меньшевиков, оставшиеся неразменянные билеты решено было сжечь»⁴⁰.

Но «эксами», разумеется, дело не ограничивается. Это Тер-Петросян был просто боевиком – дореволюционным аналогом Шамиля Басаева, а Джугашвили отличался талантами разнообразнейшими. «Разброс» его деятельности был шире некуда – от персонального террора, убийства начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Федора Грязнова, до написания теоретических работ на гру-

⁴⁰ *Валентинов Н.* Малоизвестный Ленин. СПб., 1991. С. 63.

зинском языке, издания легальной большевистской газеты «Дро», участия в партийных съездах в Стокгольме и Лондоне. К этому времени, кстати, Джугашвили уже был лично знаком с Владимиром Ульяновым, который высоко оценил таланты, как он его называл, «пламенного колхидца». Правда, постоянные попытки классика марксизма заставить Джугашвили хотя бы на краткий миг остановиться, написать что-то большее, чем газетную статью, вызывали у горячего кавказца раздражение. «Сижу, занимаюсь чепухой», – жаловался он друзьям. А между тем Ильич знал, что делал, – работал над имиджем преданного ему соратника по партии, продвигал верного человека в руководство. И успешно, надо сказать, продвигал! Потому что акции Кобы в партии все время росли – среди, разумеется, большевиков.

Смешно, не так ли? Сбежавший из ссылки революционер, находясь на нелегальном положении, издает легальную газету и даже ездит за границу, а полиция не может его поймать. Рассказы о палаческом царском режиме, душившем свободомыслие в России, выглядят на этом фоне несколько странно.

Центр революционной деятельности сместился в ту пору из поутихшего Тифлиса в рабочий Баку, буквально бурливший недовольством. Туда и отправил-

ся Иосиф, вернувшись с Лондонского съезда партии. Работы там оказалось не меньше, чем в Тифлисе: нужно было продвинуть большевистские интересы в местной партийной организации, взять на себя руководство местной подпольной газетой «Бакинский рабочий», выдвинуть из местных ячеек меньшевиков. А еще, разумеется, по возможности защищать интересы рабочих. Именно Джугашвили принадлежит заслуга заключения коллективного договора между бакинскими рабочими и нефтепромышленниками. Что бы ни говорили о революционной деятельности Кобы, а это направление его деятельности иначе как благородным не назовешь.

Весной 1908 года везение, сопровождавшее Джугашвили на протяжении всего этого времени, вдруг покинуло его. Было бы, наверное, приятно сказать, что полиция Российской империи наконец пробудилась от спячки и проявила профессионализм, так ведь нет! Попался будущий вождь пролетариата совершенно по-глупому: был схвачен во время полицейской облавы. Что самое странное – схватить-то его схватили, а что предъявить в качестве обвинения – так и не придумали. Вроде бы и обвинений навалом, а доказательств нет. Выбивать же признания таким путем, как это делали спустя всего несколько лет следователи «самой счастливой и прекрасной на свете страны Со-

ветов», в палаческом и сатрапском государстве – Российской империи – не любили. Даже если дело касалось революционера со стажем. Нет, конечно, солдаты из тюремной охраны могли позволить себе «вольности», избить заключенных, присвоить себе передачу. Но за это они и сами рисковали оказаться за решеткой. Впрочем, каждый, кто так или иначе сталкивался с нашей нынешней пенитенциарной системой, может подтвердить, что и сегодня это – обычное дело.

Итак, единственное обвинение, предъявленное Джугашвили, было «самовольное оставление места ссылки». Так что, отсидев, пока шло следствие, в бакинской Баиловской тюрьме, Джугашвили был выслан на два года в Вологодскую губернию, в городишко Сольвычегодск. Откуда, разумеется, при первой возможности бежал. Дальнейшие несколько лет, в принципе, не стоит даже описывать, настолько однообразными были приключения нашего персонажа. Прибыв в Петербург, он прожил там некоторое время, был схвачен и водворен в Сольвычегодск, откуда снова бежал. И снова, и снова, и снова. К этому времени он стал уже настолько значимой фигурой в партии, что соратники, ничтоже сумняшеся, высылали ему деньги на очередной побег. А в России, имея в кармане деньги, можно сбежать откуда угодно, кроме собственной могилы. Даже, как показывает практика

Иосифа Джугашвили, из Нарымского края. И куда бы он ни приезжал, совершив очередной побег, – в Питер, в Москву, в Баку – везде он находил применение своему главному таланту: что-то организовывал, кого-то собирал и знакомил, что-то устраивал. Опасный был человек для государства. Незаменимый для партии.

Во время ссылки в Туруханском крае Иосиф Сталин (третий справа в заднем ряду) стал настоящим революционером: это время он использовал для самообразования

В советской литературе типа той, что издавалась в серии «Пламенные революционеры», очень любили использовать фразы типа «жандармы шли по сле-

ду». Какое там по следу! Беглый ссыльный перемещался по России, как по собственному саду, в промежутке между ссылками организовал в Питере целых две большевистских газеты – «Звезда» и «Правда», нашел информатора в бакинской охранке, предупреждавшего большевиков об облавах и арестах, а сбежав из-под Нарыма в 1912-м, умудрился даже съездить в гости к Ильичу в Краков на партийное совещание, да не один раз, а дважды, с интервалом в месяц! В результате этих поездок и не без лоббирования вопроса самим Лениным Сталин – а с этого момента мы будем называть его именно так, потому что этот псевдоним как раз и происходит из того времени, – стал одним из двух главных эсдэков в России. Впрочем, в Россию его как раз отпустили не сразу. Ленин попытался пристроить верного человека к работе в руководстве ЦК партии, оставить его, ради его же собственной безопасности, за рубежом, в эмиграции – буквально в приказном порядке, благо Иосиф не мог ослушаться своего кумира, – отправил его в Вену. Но долго «венского сидения» Сталин не выдержал и в конце зимы 1913-го вернулся в Россию.

Однако за время его отсутствия «компетентные органы» наконец очнулись. Скорее всего потому, что в воздухе отчетливо запахло большой войной. Жандармы исхитрились арестовать всю верхушку эсдэков-

ской партии – взять практически одновременно Сталина и Свердлова. И на этот раз приговор не был таким «игрушечным», как раньше: большевиков отправили, куда Макар телят не гонял, – в село Курейка Туруханского края. Чехарда недалёких ссылок и легких побегов закончилась. В Курейке Джугашвили предстояло прожить довольно долго – до самой Февральской революции 1917 года.

Свердлов Яков Михайлович (настоящие имя и отчество Ешуа-Соломон Мовшевич) (1885–1919), политический и государственный деятель. В 1896–1900 годах учился в Нижегородской гимназии, затем работал учеником аптекаря. В 1901 году вступил в РСДРП, с 1903 года большевик. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1912 году кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. С 1917 года возглавлял Секретариат ЦК, был членом Военно-революционного комитета Петроградского совета. С ноября 1917 года председатель ВЦИК. С марта 1918 года в Москве. С 1919 года – член (фактически председатель) Оргбюро ЦК. Входя в ближайшее окружение В. И. Ленина, был одним из организаторов разгона Учредительного собрания, убийства царской семьи, «красного» террора, «расказачивания» и др. Был создателем системы партаппарата.

Похоронен у Кремлевской стены.

Революция в том виде, в каком ее видели большевики, в той форме, как ее понимал Иосиф Джугашвили, определенно захлебнулась, выродившись в пустые теоретизирования и редкие полубеспользные террористические акты и «экссы». Даже Ленин, на что уж он оптимистично смотрел в будущее, публично высказывал сомнение, удастся ли ему когда-нибудь дожить до революции. Еще более печальны были ожидания Сталина. Ни в одной статье, ни в одном зафиксированном разговоре он не рассказывал, о чем он думал по пути в Курейку. Но понятно одно: достигнув своих вершин, став обладателем более чем специфического революционного опыта, он не только не отказывался от прежних устремлений и идеалов, но был готов продолжать свое дело, как только представится такая возможность, а если будет надо – начать все сначала.

Настоящий солдат

*Возьму с собой я вещмешок и каску,
В защитную окрашенную краску, —
Ударю шаг по улицам горбатым,
Как славно быть солдатом, солдатом.
Оставлены домашние заботы,
Не надо ни зарплаты, ни работы —
Иду себе, играя автоматом,
Как славно быть солдатом, солдатом.
А если что не так – не наше дело,
Как говорится, Родина велела —
Как славно быть ни в чем не виноватым,
Совсем простым солдатом, солдатом.*

Булат Окуджава. Солдат

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Буквально через пару недель Адольф Гитлер уже маршировал по плацу среди храбрых баварских пехотинцев. «Я испытал в эти дни необычайный подъем, — признавался он. — Я нисколько не стыжусь сознаться, что, увлеченный волной могучего энтузиазма, я упал на колени и от глубины сердца благодарил Господа Бога за то, что он дал мне счастье жить в такое время». В октябре он принес присягу королю Баварии Людвигу III и, как австриец по рождению, императору Францу Иосифу I, а всего через неделю после этого

оказался на Западном фронте.

Его первое боевое крещение (29 октября) пришлось на дни одного из кровавейших сражений Первой мировой. Германская армия рвалась к Ламаншу, чтобы потом, охватив Францию с двух сторон, прихлопнуть ее, как таракана, заползшего в книгу. Однако на пути немцев встали опытные британские части, оказавшие им упорное и, как выяснилось чуть позже, успешное сопротивление. Счет погибших в 16-м баварском шел на сотни человек.

Первый бой оставил у Гитлера, судя по всему, сильнейшие воспоминания. Достаточно прочесть описания первого боя. Даже в «Моей борьбе» за свойственной Адольфу ненужной патетикой и попытками придать слогу некую эпичность видны настоящие страх и восторг. «Влажная холодная ночь во Фландрии. Мы идем молча. Как только начинает рассветать, мы слышим первое железное «приветствие». Над нашими головами с треском разрывается снаряд; осколки падают совсем близко и взрывают мокрую землю. Не успело еще рассеяться облако от снаряда, как из двухсот глоток раздается первое громкое «ура», служащее ответом первому вестнику смерти. Затем вокруг нас начинается непрерывный треск и грохот, шум и вой, а мы все лихорадочно рвемся вперед навстречу врагу, и через короткое время мы сходимся на картофельном

поле грудь с грудью с противником. Сзади нас издале- ка раздаётся песня, затем ее слышно все ближе и бли- же. Мелодия перескакивает от одной роты к другой. И в минуту, когда кажется, что смерть совсем близка к нам, родная песня доходит и до нас, мы тоже вклю- чаемся, и громко, победно несется: «Дойчланд, Дой- чланд юбер аллес!» Через четыре дня мы вернулись в исходное положение. Теперь даже наша походка ста- ла иной, 16-летние мальчики превратились во взрос- лых людей». Письмо мюнхенскому другу Эрнсту Хеппу еще лучше передает его эмоции и пережива- ния. Это настоящий репортаж с места событий. «В 6 утра мы около какой-то гостиницы встретились с дру- гими ротами, а в 7 часов все и началось. Мы повзвод- но проходим через расположенный справа от нас лес и в полном порядке выходим на луг. Перед нами вко- паны четыре орудия. Мы занимаем за ними позиции в больших окопах и ждем. Над нами уже свистит первая шрапнель и срезает деревья на опушке как соломины. Мы с любопытством глядим на все это. У нас еще нет настоящего чувства опасности. Никто не боится, все ждут сигнала «В атаку!». А дела становятся все ху- же. Говорят, что уже есть раненые. Наконец, команда «Вперед!». Мы рассыпаемся цепью и мчимся по по- лю в направлении небольшого хутора. Слева и спра- ва разрывается шрапнель, свистят английские пули,

но мы не обращаем на них внимания. Залегает на десять минут, а потом опять вперед. Бегу впереди всех и отрываюсь от взвода. Сообщают, что убили рядового Штевера. «Вот так дела», – успеваю я подумать, и тут начинается. Поскольку мы находимся посреди открытого поля, нужно как можно быстрее бежать вперед. Теперь уже падают и первые среди нас. Англичане направили на нас огонь пулеметов. Мы бросаемся на землю и медленно ползем по канаве. Иногда мы останавливаемся, это означает, что кого-то опять подстрелили и он не дает двигаться вперед. Так мы ползем до тех пор, пока канава не кончается, и опять надо выбираться на поле. Через 15–20 метров мы добираемся до большой лужи. Один за другим вскакиваем туда и занимаем позицию, чтобы отдышаться. Но залеживаться некогда. Быстро выбираемся и марш-марш к лесу, до которого примерно 100 метров. Там мы опять собираемся вместе. Лес уже сильно поредел. Мы ползем по опушке. Над нами свистят пули и осколки, и вокруг падают сбитые сучья и куски деревьев. Потом на опушке рвутся снаряды, поднимая облака камней, земли и песка, вырывая огромные деревья с корнями, а мы задыхаемся в желто-зеленом ужасном, вонючем дыму. Вечно лежать здесь не имеет смысла. Если уж погибать – так лучше в поле. Мы снова бежим вперед. Я прыгаю и бегу изо всех сил по

лугу, через свекольные грядки, перепрыгиваю через окопы, перелезаю через проволоку и кустарниковые заросли и вдруг слышу впереди крики: «Сюда, все сюда!» Передо мной длинная траншея, и через мгновение я спрыгиваю в нее. Передо мной, за мной, слева и справа туда же прыгают и другие. Рядом со мной вюртембержцы, а подо мной мертвые и раненые англичане. Теперь становится ясно, почему мне было так мягко спрыгивать. В 240–280 метрах слева от нас видны еще английские окопы, а справа – дорога, которая находится в руках англичан. Над нашей траншеей непрерывный железный град. Наконец в 10 часов начинает работу наша артиллерия. Пушки бьют одна за другой. То и дело перед нами снаряд попадает в английские окопы. Англичане выскакивают, как из муравейника, и мы снова бежим в атаку. Моментально проскакиваем поле и после рукопашной, которая местами была довольно кровавой, выбиваем их из окопов. Многие поднимают руки. Всех, кто не сдается, мы приканчиваем. Так мы освобождаем траншею за траншеей. Наконец выбираемся на большую дорогу. Слева и справа от нас молодой лес. Входим в него. Выгоняем оттуда целые своры англичан. Наконец доходим до места, где лес кончается и дорога идет дальше по чистому полю. Слева стоят какие-то хутора, которые еще заняты противником, и по нам открывают оттуда

ужасный огонь. Люди падают один за другим. Офицеров у нас уже нет, да и унтер-офицеров почти не осталось. Поэтому все, кто еще в состоянии, вскакивают и бегут за подкреплением.

Мы движемся через лес слева от дороги, по дороге не пройти. Четыре раза мы поднимаемся в атаку – и четыре раза вынуждены отойти. Изо всей моей команды кроме меня остается всего один человек. Наконец и он падает. Мне отрывает выстрелом рукав кителя, но каким-то чудом я остаюсь живым и здоровым. В 2 часа мы идем наконец в пятую атаку и на этот раз занимаем опушку леса и хутор. Вечером в пять часов мы собираемся вместе и окапываемся в 100 метрах от дороги. Три дня идут бои, пока, наконец, на третий день мы не опрокидываем англичан. На четвертый день – маршируем назад. Только тут мы оценили, насколько тяжелы наши потери. За четыре дня наш полк сократился с трех с половиной тысяч человек до 600. Во всем полку осталось всего три офицера, четыре роты пришлось переформировать. Но мы были горды тем, что опрокинули англичан»⁴¹. В этом сражении часть потеряла своего командира и приобрела печальную известность, зато многие из выживших были представлены к награде за храбрость. Был награжден Железным крестом второй степени и Адольф Гитлер.

⁴¹ Соколов Б. Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой. М., 2003. С.40.

Эта награда, как ни странно, еще до вручения спасла ему жизнь. Когда обсуждался список представленных к награде, солдат выставили из штабной палатки на улицу – там остались только полковник и четыре командира роты. Не прошло и нескольких минут, как в палатку попал артиллерийский снаряд. Все находившиеся там были убиты или ранены, Гитлер же и три его товарища остались невредимы.

Нужно сказать, что на войне Адольф отличался, помимо всего прочего, необычайным везением. Описано несколько случаев, когда он, повинувшись внутреннему голосу или стечению обстоятельств, избегал смерти. Один из таких случаев он описывал в беседах с соратниками. Обедая на передовой, он как будто услышал внутренний голос, повелевающий ему перейти в другое место. «Я встал и отошел на 20 метров, прихватив свой обед в котелке, снова сел и спокойно продолжил трапезу. Едва начав есть, я услышал взрыв в той части воронки, которую только что покинул. Шальная граната угодила именно в то место, где я только что обедал вместе со своими товарищами. Все они погибли». Способность чувствовать опасность на подсознательном уровне и эффективно ее избегать Гитлер демонстрировал и позднее, во время многочисленных покушений на его жизнь.

Говорит Гитлер

Что такое честь для немца?

...Высшей моральной нормой для немца является честь. Уровень его личности и степень уважения к нему определяются тем, насколько развито у него чувство чести, и отсутствием своекорыстных побуждений. Не бояться ответственности за свои ошибки и упущения, обсуждать неприятные или даже постыдные для себя темы и делать надлежащие выводы, отстаивать, разумеется в уважительной форме, свое мнение перед старшим, если того требуют интересы сообщества или долг, преодолевать все препоны, добиваясь исполнения признанного правильным решения, вести борьбу с собственными слабостями и недостатками – это тоже требует стойкости и мужества. Выполнять свой долг – означает самоотверженно служить всему обществу. Скромность, высокая требовательность к себе, постоянная готовность пожертвовать собой – вот необходимые предпосылки для пользования теми привилегиями, которые полагаются в соответствии со званием и служебным положением. Честь подвержена нападкам извне. Любое оскорбление и любое сомнение в благородном образе мыслей затрагивают честь, за исключением тех случаев, ко-

гда оскорбителем выступает человек, не отвечающий за свои поступки.⁴²

⁴² *Кормилицын С.* Адольф Гитлер. Взгляд из зеркала. СПб., 2004. С. 79–81.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.